Шкатулка Пандоры или Сны Матрешки

Рыжим Риткам
И первым Учителям
посвящается

Объяснительная записка

Автор затеял данное повествование по просьбе друзей, чтобы описать мир сновидений необычной девицы по имени Матрешка. Сны имеют провидческий характер, не вполне ей понятный, и навеяны многочасовыми компьютерными квестами о проклятиях бога Сета. Матрешке снятся времена Нового Царства Древнего Египта. Играми она спасается от сезонных обострений болезненных состояний своей психики. У нее особая форма аутизма под названием синдром Аспергера, который не мешает иметь острый ум хакера и тренированное тело каратистки. Однако социальная адаптация желает, естественно, лучшего. Для незнакомых людей она просто замкнута и угрюма. Временами весьма. Друзья же, которые в небольшом количестве имеются, лучше видят девиации ее психики от нормальных состояний.

Автор решил бессовестно воспользоваться подвернувшейся возможностью придать своим размышлениям о теневой, скрытой цивилизации Земли художественную форму.

В ходе незамысловатого повествования встречаются отец и сын. Отец – реальное историческое лицо периода Нового Царства Древнего Египта Аменхотеп сын Хапу по прозвищу Хеви. Он при жизни заслужил признание, как мудрец. Фараон как личного друга одарил его неслыханной честью - повелел еще при жизни выстроить собственный храм. Это значило, что он получил божественный статус, подобно самому фараону. Слава мудреца, которой он достиг, может быть сравнима с другим человеком, знаменитым Имхотепом, жившим во времена Джосера за десять или пятнадцать веков до него. Сын выдуман. Безусловно, Хеви мог иметь сына, он прожил очень долгую жизнь, вместившую аж четыре царствования[1]. Многочисленные памятники и надписи, рассказывающие о нем, практически ничего не говорят о его личной жизни. Лишь на одной стеле с барельефом, посвященном какому-то празднику, рядом с Аменхотепом изображена женщина невысокого роста. Однако о ней ничего не известно. По косвенным данным он прожил не менее 80 лет. Кое-где указывается, что он сумел дожить до 110. Про детей Хеви нет сведений ни в одном из известных автору источников[2], поэтому руки у автора оказались свободными…

Встретившись, отец и сын делятся воспоминаниями, обсуждают планы и в ходе этих бесед раскрываются тайные механизмы, управляющие путями земных народов в течение нескольких тысячелетий. Такое построение сюжета делает повесть похожей на знаменитые диалоги Платона. Получается, в некотором роде, заимствование или вариант плагиата, тем более что и речь идет также о сходных вещах – в конечном итоге, если отбросить шелуху, об Атлантиде.

Для придания динамики и выпуклости довольно блеклому повествованию из диалогов, автор попытался нарисовать несколько бытовых сцен, каковые, по его мнению, могли сопутствовать реконструируемым событиям.

События повествования происходят примерно на 12 году правления Эхнатона. Его отец Аменхотеп III уже более 10 лет как умер. Приблизительно в это же время или несколько ранее умирает мать Эхнатона царица Тэйа. В этот год войска фараона были посланы выполнять карательную операцию в Нубии против взбунтовавшихся местных племен. Это первая крупная военная акция Эхнатона. Возможно, войска возглавлял Хоремхеб[3], но об этом автору ничего неизвестно и он привлек на помощь воображение. А в самом Египте начинается развертывание другой операции, тайной.

---

[1] Родился при Тутмосе 3-м. При Аменхотепе 3-м, будучи уже зрелым человеком (примерно за 40) сделал головокружительную карьеру, став начальником всех царских работ и личным другом фараона. Был управляющим делами старшей дочери Аменхотепа и наставником его сына, ставшего впоследствии фараоном Эхнатоном. О деятельности в период правления Эхнатона автору ничего неизвестно, но можно предположить, что Хеви просто «вышел в отставку» по возрасту.

[2] Автор должен признать, что он не много изучил трудов по египтологии и не может претендовать на достаточно уверенные утверждения.

[3] Хоремхеб стал фараоном после Тутанхомона и Эйе. Правил в течение 30 лет. Укрепил экономическое и внешнеполитическое положение страны, пошатнувшиеся при Эхнатоне. К власти пришел как узурпатор, не принадлежа к правящей династии. Однако его правление для страны было весьма полезным.

Странник

Впереди маячили широкие плечи начальника караула, сзади доносилась поступь двух стражников. Странник помещался в середине, зажатый как кусок мяса между двумя ломтями лепешки. Нет, не совсем так: и до шедшего впереди мощного громилы, и до охранников сзади было не менее двух шагов. Стража дело знала. Парни сразу перехватили хопеши[4] в боевое положение на плечо, как только начальник караула выбрал их для сопровождения. Странник чуял густой чесночный дух, идущий сзади, да шорох подошв по каменным плитам от доброй солдатской обутки из нескольких слоев бычьей кожи. Двигались молча, без спешки, не оглядываясь. Странник спиной чувствовал, что любое лишнее движение для этих тренированных псов войны превратит его из пустого места в объект преследования.

Прозрачные, розоватые лучи Хепри[5] – утреннего солнца – только-только вылетели легкими стрелками из-за вершин восточных гор, окаймляющих скалистую чашу Страны Света Атона[6] – главного города Черной Земли[7], пребывающей в мире под властью Эхнатона[8]. Ночная прохлада влажного дыхания от близкой Реки[9] приятно охватывала тело. Ласковому Хепри предстоял еще немалый путь по небу в божественной ладье, пока сверкающий круг его щита[10] не превратится в грозное сияние Великого Ра. Однако скоро, как только щит его полностью вознесется над гребнями скал, мрак и тени с улиц вытеснит деловито снующий люд.

Странник вышел рано, ночная стража[11] еще завершала последние обходы улиц и в порт, где он ночевал со своими товарищами, пришли промочить горло городские крикуны – те же стражники, только с глотками ослов. Они выходили с последними нарядами, чтобы криками «День пришел, пора работать» будить жителей. Демоны ночи не страшили, выспался отменно, впереди предстоял день забот. Впрочем, как всегда. Вчера приплыли из Нижних Земель[12]. В быстро густеющих сумерках нашли пристанище в гостевом сарае. Наскоро перекусили перед сном, не обращая внимание на рыбную вонь, установили порядок ночного дежурства и завалились спать.

Обширное поместье на берегу Реки нашлось быстро. Стражники на воротах с руганью, но охотно приняли щедрую мзду за беспокойство в столь ранее время и за отдельную плату согласились разбудить командира караула. Вскоре из боковой калитки появился рослый детина, позевывая, принял свою долю подношений в полотняном мешочке, рассеянно перебрал на ладони несколько золотых заколок и колец и задержал взгляд на серебряном амулете в виде головы сокола с бирюзовыми глазами. Внимательно осмотрел склонившегося перед ним в позе почтения странника в обычной для людей Черноземья одежде: полотняная подпоясанная рубаха до колен, голова покрыта полосатым платком, спадающим на шею, оружия нет, в руках посох.

- Палку оставь.

Ни словом больше. Кивком головы приказал страннику следовать за собой. У стены, где расположилась пятерка утреннего караула, так же молча отобрал двух рослых воинов для сопровождения. Затем, не оглядываясь, направился по дорожке, ведущей через ухоженный сад к строениям в глубине.

Дорожка огибала главное здание поместья между колоннадой широкого портика. Затем взору открылся внутренний двор. Выложенные мраморной плиткой дорожки разбегались в стороны к легким павильонам вдоль ограды, а также к расположенному в глубине второму строению с примыкающей к нему вплотную глухой высокой стеной. Два одноэтажных крыла здания отходили от более высокой центральной части. По-прежнему не оглядываясь, будто зная, что ни приказы, ни порядок не могут быть нарушены, начальник стражи прошел внутрь. Широкая зала слабо озарялась утренним светом из небольших окон под самым потолком. Вдали перед двустворчатыми дверьми стоял копьеносец. Тяжелое копье с листовидным отточенным наконечником легко отошло в сторону, пропуская командира, но тут же вернулось обратно и застыло перед лицом двинувшегося было следом странника.

---

[4] Хопеш – меч с серпообразным лезвием. Использовался нередко как двуручный и состоял на вооружении воинской элиты.

[5] Хепри, Ра, Атум – три образа бога солнечного диска для утреннего, дневного и вечернего Солнца.

[6] Страна Света Атона – так можно перевести название города Ахет-Атон, построенного Эхнатоном. Другой распространенный перевод «Горизонт Атона». А что думали по этому поводу древние египтяне, мы едва ли узнаем.

[7] Египтяне называли свою страну Та-Кем[т] или просто Кеми, Кемт, Кемет, что означало «Черная земля» или «Земля». Если по-простому – Черноземье.

[8] Фараон 18й династии Нового царства. Царствовал в 14 веке до н.э.

[9] Нил называли просто Рекой или Хапи, по имени божества этой реки. А может Хапи и означало реку по-старому?

[10] Отождествление солнечного диска со щитом в представлениях древних египтян – выдумка автора.

[11] Наличие стражи на ночных улицах больших городов, также как и утренние глашатаи – выдумка автора. Однако, данное предположение довольно естественно.

[12] Из Нижнего Египта или Дельты (Нила).

Мгновения испарялись каплями пота с висков, стягивая высыхающую кожу. Странник с безразличным видом изучал свое отражение в блестящих глазах темнокожего воина перед собой. Наконец створки вновь распахнулись.

- Сюда, - прозвучала команда.

Сопровождаемый караулом, он шагнул в широкий проем и оказался на огороженном со всех сторон высоким глухим забором обширном пространстве. В планировке угадывался единый стиль: мрамор дорожек и оград, аккуратно подрезанные окаймляющие их кусты, удобные скамейки, изящные переносные кадки с цветами и деревцами. Чистота, покой и гармония. Прямо перед ним блестели прозрачной водой два бассейна. Один неглубокий и поменьше, вероятно, предназначался для омовений. Второй же имел длину не менее полусотни шагов. Дно в нем не проглядывалось, в отличие от первого, где сквозь слой воды четко просвечивались плиты. И в малый бассейн и в большой вели широкие ступени. Между собой бассейны соединялись нешироким проходом, полого уходящим в глубину.

Вдалеке за вторым бассейном на обширном освещенном уже полностью взошедшим солнцем участке двигалась худощавая смуглая фигура. Мужская, но больше ничего нельзя было различить в ярком утреннем свете. Сначала странник решил, что она полностью обнажена. Но потом заметил полосу светлой ткани на бедрах, обернутую на воинский манер. Человек выполнял какие-то ритмичные движения: сгибался, приседал, ложился ниц и опять поднимался, разворачивался, перекручиваясь, и даже подпрыгивал. Странник слегка ухмыльнулся: комплекс упражнений был ему знаком. Тут же цепким взглядом окинув остальную территорию, он заметил вдали какие-то конструкции, напоминающие приспособления для воинских тренировок. Оглядевшись, странник повернулся к сопровождающим. Старший стоял в нескольких шагах вполоборота. Он молча протянул руку к одному из подчиненных и тот вложил в нее свой хопеш. Ухватив боевой серп за середину длинной рукояти, он жестом приказал остальным выйти. Когда створки двери закрылись, выждал какое-то время и затем, продолжая держать хопеш за середину, как палку, неожиданно разразился потоком слов:

- Ожидай. Можешь расположиться там, – коротким взмахом руки указал на удобное место для отдыха, где под легким навесом были расстелены коврики, разбросаны подушки и стояли низкие удобные сиденья. – Здесь можешь вымыться, - такой же взмах в сторону малого бассейна.

Истощив свои силы этой тирадой, воин направился в тень и с удобством развалился, прислонившись спиной к стене и положив под руку оружие.

Не раздумывая, странник сбросил с плеча изрядно опустевшую после бесед с охраной котомку, скинул на нее свои немногочисленные облачения и спустился по ступеням в прохладную воду. Оставив в водах малого бассейна пот, пыль и грязь последних дней, он решительным нырком отправился в глубины большого.

Желтоватая вода Реки, особенно сейчас во время подъема в середине лета, слегка задерживала свет, но его хватало. Ровное мраморное дно полого уходило вниз, очевидно, понижаясь не менее чем на два человеческих роста в дальнем конце. Не выныривая, странник поплыл по периметру. Он ощущал ток свежей воды. Вскоре ему попалась первая отдушина на дне около стены. Туда вода уходила. Наверное, с противоположной стороны была такая же и для притока. Она там нашлась. Источником свежей проточной воды скорее всего служили ирригационные каналы, пронизывающие регулярной сетью эту часть города.

Завершив обследование дна, он вынырнул у дальней стороны, там, где продолжал методично тренироваться человек, и неожиданно обнаружил, что его страж уже не лежит расслабленно под стеной у входа, а находится теперь перед ним на кромке бассейна. Правда, опять в такой же безмятежной позе, но с мечом, удобно лежащим под правой рукой.

Отдышавшись и поняв, что у него пока еще есть время, странник продолжил свои исследования. Чистая, легкая вода ласково обнимала тело, истосковавшееся по влаге в пыльных азиатских степях и ущельях. Даже несколько дней путешествия по могучему Хапи не могло утолить этот голод. Торговое судно – не прогулочная барка. Да и прожорливые слуги Себека[13] не вызывали желания окунаться в воды Реки.

Пересекая бассейн самым прихотливым образом под водой и выныривая, странник всякий раз видел перед собой лениво лежащую на краю мощную фигуру стража. Казалось, никуда смотрит, глаза полуприкрыты массивными веками, обращены то через плечо на гладь Реки за дальней оградой, или устремлены в небо, если лежит навзничь. Но каждый раз этот воин оказывался перед ним.

Наконец, уже не помня на каком круге своих странствий по-над водой, медленно всплывая вверх лицом, странник увидел над собой уже две фигуры. Не слышалось ни единого звука, но стало ясно: пора. Человек, тренировавшийся на утреннем солнце, стоял у широкой лестницы и ожидал. Воин был рядом. Он стоял чуть позади, опираясь на хопеш.

---

[13] Себек является богом воды и разлива Нила. Священное животное Себека – Крокодил.

Человек, который встречал его у лестницы, был старше. Возраст больше выдавало спокойное и приветливое худощавое лицо, но не подтянутое, тренированное тело. Странник знал, что этот человек прожил гораздо больше, чем многие думают. Он не торопясь накинул рубаху и шагнул навстречу.

- Здравствуй, сынок.

- Здравствуй, папа.

- Рад видеть тебя живым и здоровым. Мы заждались.

- На несколько дней, - проворчал вполголоса детина-стражник за спиной.

- Да, ты сумел обойти всех людей Рамеса, никто не успел доложить, а он хлеб даром не ест, - старик обернулся к воину. Видно было, что это не просто наемник, а доверенное лицо.

Глядя на обоих, он спросил после непродолжительного молчания, словно утверждая:

- Вижу, ты пока не узнал брата.

- Бра… Ра…

- Это *Рамес*, твой двоюродный брат, - опередил его старик, подчеркивая звучание имени в местной манере.

О боги Небес и Глубин! Этот головорез – мой брат? Тот самый малыш Рами, который с неописуемым восторгом всегда встречал его из Дозора? Где же мальчик тот глазастый?…

…

- Возьми меня с собой, а? Ну, возьми! Ну, пожалуйста!.. Я так хочу посмотреть на ночные игры китов. Я уже все учебные задания выполнил. Ты ведь сможешь, правда? Никто не узнает. Мы ведь быстро?

Черноволосый мальчишка крутится, ловит взгляд зелеными бусинками глаз. Обхватывает руками, тянет в свою комнату, надеясь там точно суметь уговорить своего старшего брата взять его в океанский рейд.

- Ты сумеешь меня тихонько…. тихохонечко провести на судно. Я маленький, в уголке спрячусь и никто не узнает. Давай! Ну, давай, ну, пожалуйста…

И ведь уговорил-таки, негодник! Конечно, систему контроля пришлось слегка заморочить и договорится с наблюдателями. Правила нарушили. Риск есть всегда и везде, а правила для того и придуманы, что их кто-то, когда-то и где-то нарушает…

Зато, какие еще награды будут приятнее восторга этого мальца, когда он сам наводил визир искателя, высунувшись из люка, который тоже открывал сам, над ночным океаном, мерцающим огоньками полей планктона и блестками волн. А потом экипажи трех Стражей Глубин собрались на давно облюбованном атолле. И были мясистые крабовые клешни, сваренные на настоящем костре, тушки рыбин, испеченные прямо на камнях, и освежающий сок орехов, и россыпь звезд над головой. А когда мальчишка уснул – гонки к ближайшему обитаемому острову, где жил смелый народ рыбаков и мореходов. А там уж пляски до утра с горячими островитянки под раскидистыми пальмами… Группа Икеля контролировала тогда миграцию группы племен через цепочку островов к южному континенту и мы были богами морей, навещавшими людей в своих странствиях…

…

Звон железа, запах пота и масла, яркий рассеянный свет тренировочного зала. Рослый широкоплечий парень ухватил мощными ладонями гриф штанги. Длинные черные волосы рассыпаны по скамье и свисают чуть ли не до пола, негустая бородка покрывает щеки, взгляд устремлен куда-то вглубь, в себя… Лицо блестит от пота, грудь выгнута, мышцы натянуты, ноги впились в пол.

- Давай, страхуй! На раз!

Нагруженный гриф прогибается, он гнется еще сильнее, когда тугие пружины мышц толчком посылают его вверх от груди.

- Ххааа!... Есть!...

- Молодец! Ставлю коктейль!

…

А теперь этот откормленный и натренированный до предела жирдяй стоит и ухмыляется, наслаждаясь твоим недоумением. Ноги с мощными ляжками расставлены. Бритая по местным обычаям голова утопает в мышцах, вздымающихся от свободно развернутых плеч, которые бугрятся шарами с голову ребенка. Грудь выпирает, пластинами своими разрывая стеганную воинскую безрукавку. В узкой, рельефной талии ни капли жира. Ладони, широкие как хлебные караваи, небрежно сложены на рукояти тяжелого бронзового хопеша. Бык, чьи рога окажутся в этих капканах, не будет иметь шансов не то, что на свободу – на жизнь: захочет, шею свернет, а нет – так просто повалит.

- Ну, ты, брат… и ряху себе наел!...

- Выведи глистов, и у тебя такая же будет, - с ухмылкой пожал плечами тот.

- Вот и славно, детки, что вспомнили друг друга, - улыбнулся мудрейший человек Обоих Земель[14], Аменхотеп, сын Хапу по прозванию Хеви.

***

Усадьба или Дом Хеви располагалась в самой южной части Ахетатона на южной границе Мару-Атона – квартала высших чиновников, центр которого занимала резиденция правителя. Здесь начиналась основная часть главной дороги города – Дороги Жрецов. Достигая в центральной части города ширины сорока шагов, на территории парка Мару она терялась среди садов, прудов и усадеб и выныривала лишь на окраине, где особняком раскинулась усадьба мудрого наставника Хеви. С тех пор, как Большой Дом[15] изменил свое основное имя и стал называть себя Угодным Атону[16], имя Аменхотеп[17] потеряло былое благозвучие. Наставник нынешнего правителя и сподвижник предшествующего, подтверждая свою богоподобную мудрость[18], не стал противиться новым нравам и охотно именовал себя старым прозвищем Хеви, а то и просто - сыном Хапу. Главное не знак, которым обозначается понятие, а суть. Поэтому и жилище своё он расположил хоть и неподалеку от дворца царственного воспитанника, но в ненавязчивой удаленности, за купами садов и поближе к реке. Так было удобно всем и среди прочих страннику с его миссией.

Солнце уже изрядно поднялось. Повязав полосатую головную повязку, странник окинул внимательным взглядом окрестности и быстрым шагом удалился по скрытой кустарником дорожке вдоль стены поместья. Обратно он пошел другим путем. Выслушав пояснения и запомнив схему, которую Рамес начертил на песке остриём хопеша, он отказался от сопровождения и, не попрощавшись, выскользнул в боковую калитку.

Северная стена всё тянулась и тянулась. Похоже, старик демонстрировал свою мудрость повсеместно: и место неброское, тихое, и усадьба самая богатая, просторная. Когда, наконец, сквозь листву блеснула гладь Реки, показался и угол западной стены. Где-то здесь вдоль берега должна была проходить широкая и натоптанная дорога для рабов, ослов и маджаев[19].

Резкий крик этого неприхотливого животного указал направление и странник вскоре затерялся с толпе рабочего люда, давно начавшего трудовой день.

Гостевой сарай в порту, где ночевали спутники, зиял распахнутым входом. Жизнь на Реке кипела. Бегали жилистые грузчики с корзинами и мешками на плечах. Хрипло орали мелкие писцы, которые должны были успевать отметить прибывший и убывший груз. Поодаль, у рыбной пристани, выставили ночной и вечерний улов рыбаки. Между рядами плетеных корзин под навесами суетились приказчики из богатых домов, закупая снедь для утренней и обеденной трапез.

Без спешки и внимательно все примечая, странник вступил в прохладную темень сарая. На пороге комнаты, где они ночевали, лежала закутанная фигура. Положение ее не изменилось со времени ухода.

Странник бесшумно нацелился и пнул лежащего, но носок не встретил препятствия. В самый последний момент фигура неуловимо сдвинулась. Успевшее привыкнуть к сумраку зрение странника различило блеск глаз в складках накидки и тонкую полоску лезвия кинжала, зажатого в изготовленной руке.

- Подъем, бездельники, – негромко сказал он.

- А ты еду принес? - раздалось хриплое ворчание из угла.

Странник не ответил, изучая руки, ноги и головы.

- Девок – вон.

Раздались звучные шлепки и две голые фигуры портовых служительниц Хатхор прошмыгнули в дверь, прижимая к себе одежды и, вероятно, заработанные за ночь финики.

- Где Мартыш?

Сверху из-под стропил скользнула тень и превратилась в невозмутимо сидящего под стеной в позе писца невысокого жилистого субъекта.

---

[14] Верхнего и Нижнего Египта.

[15] Так назывался правитель в древнем Египте. Элинизированный вариант «фараон» происходит от оригинального египетского «пер-о» - Большой Дом.

[16] На шестом году царствования Аменхотеп IV приказал называть себя Эхнатон, что означает «Воплощение Атона».

[17] Аменхотеп означает «Угодный Амону»

[18] Отец Эхнатона Аменхотеп III оказал своему другу Аменхотепу сыну Хапу небывалую честь, поручив ему построить свой личный храм. Это означало прижизненное приравнивание к богам, что обычно дозволялось лишь верховным правителям страны фараонам.

[19] Маджаями звали в Древнем Египте городскую стражу. Надо полагать, это аналог полиции.

- Все в сборе, - подвел итог странник. – Теперь в путь.

- А пожрать? - противно проскрипел все тот же голос.

- Анубис накормит.

Обед на закате (отец)

Закатное окно, у которого стоял низкий круглый столик с яствами, пропускало скупой вечерний свет на массивную столешницу из доски ливанского кедра, за которой расположились, скрестив ноги, два собеседника. Ветерок, еще хранящий полуденный зной, плавно колыхал кисейные занавески.

У задней стены, где обычно располагались музыканты, одиноко лежал на скамье забытый систр[20].

Рабынь, ублажавших взор гостей во время трапезы, выпроводили и слуги вынесли второй большой овальный стол. Последним ушел начальник охраны Рамес. Отец и сын остались одни.

Во время общей трапезы странник молча насыщался вместе спутниками. Хозяин поместья присоединился к гостям лишь в конце. Вместо него распоряжался Рамес. Подчиняясь его скупым жестам, скользящие вдоль стен тенями вышколенные слуги сменяли блюда и уносили объедки, музыкантши меняли ритм мелодий в соответствии с переменами блюд, а танцовщицы - три эбеново-черных нубийки и две смуглые местные девушки – чередовали рисунок танца.

Наконец стихли последние звуки удаляющихся шагов. Хозяин сделал обеими руками сложный жест, напоминающий обрядовое движение при молитве. В ответ по периметру залы заструилось легкое дрожание воздуха.

Странник согласно кивнул головой.

- Можно свободно говорить, сынок, защита включена.

Не торопясь нарушить молчание, странник задумчиво смотрел в окно на широкую гладь Хапи, на юге рассеченную протянувшимся на несколько сотен шагов островом в форме чечевицы[21].

- Ты давно навещал маму, сынок?

Странник помотал головой.

- Дел много, - пробормотал он, не отрывая взгляд от быстро темнеющего закатного неба. Солнце уже коснулось зубчатой границы западных гор и по вершинам начало растекаться золотистое сияние, как будто пролившееся из распоротого бока светила. – Ты ведь тоже годами пропадаешь. Ни слуху…

- Да, но сейчас я отошел от больших дел и могу позволить себе несколько раз за год слетать домой. Хозяйство проверить, с внуками пообщаться. Мы ведь давно уже не собирались вместе. Все порознь встречаемся.

- А помнишь, папа, ты нас всех сюда в гости пригласил? Когда ж это было-то?

- При прежнем правителе, отце нынешнего[22]. Ты хорошо помнишь эту поездку? Ведь еще совсем малышом был.

«Малыш» ухмыльнулся. Ему тогда только-только исполнилось тридцать лет и он, молодой работник Внешнего Дозора, готовился к своему первому относительно самостоятельному заданию.

- Да, сынок, сложилось очень удачно. В Черноземье праздновали возрождение царя. Праздник хеб-сед[23]. Мой царственный друг правил страной ровно тридцать лет и был еще крепким мужчиной. Я ему тогда построил храм в Нубийских пределах и было принято высочайшее решение отметить хеб-сед там. Народу было – тьма и появление среди толп новых лиц не было столь заметно, как если б дело происходило согласно традиции в Уасете[24].

- Кем ты нас тогда обрядил?

---

[20] Систр – род струнного инструмента в Древнем Египте.

[21] В настоящее время Нил к югу от эль-Амарны имеет такой остров длиной 1.3км. Автору неведомо, существовал ли он в эпоху Эхнатона.

[22] Отец Эхнатона Аменхотеп III.

[23] Хеб-сед праздновался после тридцати лет правления фараона и символизировал крепость правителя. Во время ритуала фараон должен быть продемонстрировать физическое и душевное здоровье. Выполнял различные упражнения, в том числе и ритуальный бег. Точная процедура хеб-седа неизвестна, дошли только косвенные описания. Кажется, имела место даже условная смерть и похороны с последующим возрождением.

[24] Египетское название Фив – культурного и религиозного центра времен Нового Царства. Также Фивы были центром проведения культа бога Амона. Ныне это город Луксор.

- Кем вы и были: мой сын и его мать. Я пристраивал одного из своих многочисленных сыновей, – старик ухмыльнулся. – А он приехал с матерью – моей стародавней подругой из города детства Атрибиса[25], что в Нижних Землях.

- И куда ж ты меня пристроил?

- Как и положено молодому детине – на военную службу. Ты стал служить в охране караванов и потом погиб лет через десять в стычке с хабиру[26] на севере.

Хеви немного помолчал.

- Кемет древняя страна и почти двадцать веков она едина от Верха до Низа. Учет у них не столь совершенен и быстр, как у нас, но рабочий и чиновный люд достаточно строго контролируется. Иначе бы они так долго не продержались. Маджаи[27] не бездельничают. Это вы и сегодня могли увидеть.

- Да и не только сегодня – весь путь по Реке на каждой пристани у меня, как у старшего, проверяли пропускную грамоту.

- Да, - продолжил Хеви, - это связано с централизованным распределением продуктов и вещей. Поэтому миграция людей отслеживается и записи по всей стране раз в несколько месяцев или лет сличаются. Это может минуть простых людей, но публичный человек всегда под контролем. А я почти четыре десятка лет нахожусь в центре здешней политики. На военную службу тогда действительно поступил мой сын очень похожий на тебя внешне и потом он погиб. Он был из Детей Храма. Ты должен более детально ознакомиться с этим проектом. Насколько я понял, твоя миссия здесь надолго, а Дети Храма – основные наши кадры из местных. Причем, не только в Черноземье. Они уже не одно столетие обеспечивают наши информационные потоки по всей Азии вплоть до Вавилона.

- Я слышал про него. А также то, что он входит в общий проект Внешнего Контроля Наследственности.

- Это так, но здесь нет подчиненности. Во многом проект социоинженерный, хотя и базирующийся на кадровом материале из наших детей – Странников и материкового человечества. Ты скажешь, что ничего нового здесь нет, но этому проекту уже почти полторы тысячи лет и в этом его особенность. Обычный срок жизни подобных кадровых групп от силы пара поколений. Затем неизбежен распад. Среди Детей Храма, еще они называют себя Строителями Храма или просто Строителями, Каменщиками, уже сменилось не менее полусотни поколений. Они вполне самодостаточны и способны к дальнейшему развитию. Организация осознает себя как самостоятельную надгосударственную сущность. Мы же контролируем тенденции и помогаем ей не распасться на протяжении всех этих веков.

- Долгий срок! Насколько я помню здешнюю историю, дело должно было начаться при одном весьма харизматичном правителе. Кажется, его называли святым.

- При Джосере[28] – Великолепном. А начал его мой, в некотором роде, предшественник – Имхотеп. Он был чати[29] и играл примерно такую же роль в тогдашнем обществе Земель, что я при Неб-Маат-Ра[30]. Его культ, как равного богам, до сих бытует от Верха но Низа. Повторяют его изречения, рассказывают анекдоты. Кое-где есть даже храмы его памяти. Впрочем, храм есть уже и у меня.

- ???…

- Ты не знал? Мой царственный друг, приятный Амону[31], распорядился однажды за особые заслуги перед отечеством, чтобы я построил храм в свою честь и даже написал парочку распоряжений с перечнем наказаний тому, кто осквернит его или проявит иное неуважение. Я тебе покажу копию[32], если хочешь.

- Потом. Давай вернемся к этим Детям.

---

[25] Аменхотеп сын Хапу родился в Дельте в городе Атрибисе в период правления фараона Тутмоса III. Атрибис был столицей 10 нома Нижнего Египта («нома Черного Быка») и располагался на берегу Себеннитского рукава Нила. Ныне это место расположено около города Бенхе. В период Нового Царства переживал расцвет и был крупным торговым, административным и культурным центром Дельты. В настоящее время от него мало что сохранилось. В течение последних двух веков последние остатки античных сооружений были уничтожены в угоду прокладке железных дорог и разрастающихся новых поселений.

[26] Отряды или банды анархической вольницы в районах между Сирией и Палестиной. Появились во времена фараонов 18 династии. Некоторые исследователи их идентифицируют с племенами библейских евреев.

[27] Работники полицейских сил Древнего Египта.

[28] Фараон 3-й династии Древнего Царства Джосер имел тронное имя Хор Нечерехет. А его прозвище «Джосер» - святой, великолепный – известно примерно с 12 династии.

[29] Чати – древнеегипетское название высшего сановника/советника при фараоне. Примерно соответствует посту премьер-министра. Иногда в литературе называют словом «визирь».

[30] Одно из тронных имен Аменхотепа III. Означает «Владыка правды Солнца (Ра)».

[31] Аменхотеп означает «Амон доволен»

[32] См. в приложениях

- Да, вернемся. История началась, как я говорил, более тысячи лет назад. С тех пор страна не раз проходила через смутные времена. Пожалуй, только архивы нашей службы могут детально рассказать обо всем. Для местных же те события давно стали легендарными.

Отец немного помолчал, собирая мысли.

- Ты, видно, знаешь, что в этом регионе мы начали работы прежде всех прочих мест как только вышли на сушу после Катастрофы. Здесь оставались наши последние прибежища, спешно создаваемые в последние десятилетия перед тем, как волны Потопа захлестнули мир. В шурфах и тоннелях западных гор кое-где хранилась законсервированная техника. Энергостанции были заглушены, но работоспособны. Они обеспечивали нас энергией во время Катаклизма и в первые годы Великого Погружения. Теперь они пусты. Ты их видел не раз – это священные высоты[33] в западной пустыне около Белых Стен[34]. Они проектировались так, чтобы выдержать удары всевозможных стихий кроме, пожалуй, прямого падения астероида или разлома материковой плиты.

Событий происходило много. Мы пытались возродить цивилизацию на суше. Собирали выжившее и одичавшее человечество. Привыкали жить под открытым небом. Это давалось не всем – несколько поколений в туннельно-шахтовых городах на океаническом дне породило стойкий синдром боязни открытых пространств. Потом возникло неизбежное противоречие интересов Нижних и Материковых. Все вылилось в войны. Отголоски их проходят по самому краю памяти местного социума. Их называют войнами Сета. В итоге наиболее разумные ушли обратно под воду, где давление стихий пресовало из нашего народа его нынешнюю монолитную форму. Материковые, оставшись без техники и науки, опять одичали. А мы вернулись к ним опять через несколько столетий уже тайно. Мы стали народом Странников. Если так поначалу называли только работающих наверху, то со временем имя пристало ко всему сообществу.

- Папа, мне это более или менее известно. Мы хотели поговорить о детях Храма…

- Я к этому и подвожу. Не всякое знание может быть быстро изложено. Иной раз надо правильно почувствовать подоплеку.

Наша цивилизаторская деятельность начиналась исподволь. По пастушьим и охотничьим тропам бродили странники. Они оседали в племенах, становились вождями, колдунами-ведунами или просто охотниками. Те времена были буквально бесценными для социальных инженеров. Они получили возможность вживую наблюдать, как проходили детские годы нашей цивилизации, погибшей под волнами потопа от падения астероида. Без спешки проводили эксперименты по направлению развития коллективного сознания. Ничто нас не торопило, программа работ была рассчитана на века, точнее - тысячелетия. Одновременно проходила зачистка территорий: работали твои предшественники - Чистильщики. Искали и уничтожали любое технологическое наследие, которое можно было восстановить и обратить во зло. Техника, информационные ресурсы, словом, все, что могла стать ядом для нового человечества на этой стадии. Только местами оставляли легкоплавкий металл, чтобы им могли воспользоваться наши одичавшие родичи. Брошенная медная электропроводка, слитки олова, свинца, да и золота стали первыми самородными месторождениями для возрождения металлургии.

Примерно пару тысяч лет назад здесь, в долине Реки, возникла государственность. С севера на юг протянулась цепочка крупных и мелких поселений. Налаживался обмен товарами. Мы помогли восстановить умение записывать информацию в виде рисунков. Примерно семнадцать или восемнадцать веков назад Верхние и Нижние земли объединились под контролем Великого Дома Менеса[35]. А спустя еще полтысячи лет удача улыбнулась Имхотепу. Из простых гончаров он стал ближайшим сподвижником правителя страны. Джоссер обладал незаурядным умом, отменной памятью, острым глазом. Работать с ним Имхотепу было сплошным удовольствием. За пару поколений удалось обучить целый народ зачаткам ряда важнейших технологий. Капитальное строительство из тесаного камня, требующее разнообразного и согласованного труда многих людей, появилось именно тогда. Были приведены к относительному порядку многочисленные системы рисуночного письма. Имхотеп отобрал наиболее часто употребляемые знаки и на этой основе смог создать в крупных поселениях сеть школ писцов. Конечно, за него поработали наши аналитики, но не это главное, а результат. В этих школах начали записывать и систематизировать накопленные в народе знания, в

---

[33] «Священная высота» - «перема» по др.египетски – общее название пирамид в Древнем Египте по мнению ряда авторов. В частности, это толкование упомянуто в романе И.Ефремова «Путешествие Баурджеда» («Великая дуга», «На краю Ойкумены»).

[34] «Белые стены» - Инебу-Хедж – первоначальное название древней столица Нижнего Египта Мемфиса. Название Мемфис происходит от Меннефер Пепи – название погребального комплекса Пепи I (VI династия). Имел также название Анх Тауи («Жизнь двух земель») и Ити Тауи («Объединяющий две земли»).

[35] Менес – легендарный основоположник I династии царей Египта. Жил ранее 3050 г. до н.э. Ему приписывают объединение Верхнего и Нижнего Египта, основание Мемфиса и изобретение письма. По мнению ряда авторов, в т.ч. античных, имя Менес происходит от др.египетского «мена», что означает «прочный, крепкий. Вечностоящий»

первую очередь о лечении, наблюдениях сезонных явлений, о движении небесных светил. Джосеру надо было только подсказывать идеи. Он хватал на лету.

Вот тогда и зародился в светлой голове Имхотепа *Проект*. Зародился, однако, не на пустом месте. Доподлинно точно известно, где это случилось - в гареме. Как и у всякого человека власти у него был обширный гарем. Наложницы рожали детей, немалая часть которых была от самого Имхотепа. Наследственность у него была отменная, все дефекты выправлены, поэтому детишки росли крепкими и здоровыми. И самое главное – умными, потому что матери доставались неглупые. Дети самого Имхотепа, дети других Странников – а их в тамошнем обществе было достаточно – становились первыми учениками в новых школах писцов. Обычная наша практика. Имхотеп же пошел дальше. Когда появились первые выпуски молодых специалистов, ему неожиданно пришло в голову, что из них можно создать тайное общество, подобное нам – Странникам. Только они не будут знать правды о подлинной родине своих отцов. Наследственность будет им только помогать развивать данный от природы потенциал, а «отцы» - то есть Странники – тайно направлять по жизни. В социуме Черноземья возникнет сообщество изначально более умных людей, вокруг которого будет кристаллизоваться элита народа. Так и появились Строители, поскольку строительная специальность среди них была наиболее уважаемой. Потом в понятие строителя, каменщика вложили более высокий, сакральный смысл. Придумали особую символику, ритуалы посвящения, знаки приветствий – и всё это страшно тайное, как и положено. Возникла связка со жречеством, поскольку школы писцов зачастую организовывались или в храмах, или поблизости. Через несколько десятилетий – под завершение местной «карьеры» Имхотепа – Строители присутствовали во всех звеньях административного аппарата страны. Имхотеп уже давно не принимал явного участия в деятельности сообщества, его почитали в основном как живое воплощение какого-то там божества и мистического отца-основателя. У нас же Проект стали называть «Дети Храма». Он намного пережил своего создателя, преодолел многочисленные перипетии в истории страны и давно перестал считаться сугубо местным. Всюду, где протянуты торговые и политические связи страны Кемет, распространено в той или иной степени влияние Строителей.

В сгустившихся сумерках тьма выбралась из углов залы и вкрадчиво, но неумолимо поглощала пространство. Собеседники обрисовывались только легкими контурами поблескивающих полуобнаженных тел.

Странник хорошо видел лицо своего отца. Наверное и Хеви не испытывал затруднений – обостренное ночное зрение Странников было выработано поколениями трудов генетиков. Оно незаменимо и необходимо для жизни под водой и в искусственном свете туннельно-шахтовых городов на дне океанов.

Затянувшееся молчание нарушил опять отец.

- Ты там не заснул, сын? Я тебя не утомил своими рассказами?

- Нет, папа, я внимательно слушаю, продолжай.

- Тогда предлагаю слегка подкрепиться. Удивительно, как от разговоров пустеет в желудке и пересыхает горло.

Старик легко поднялся и зажег чашеобразные светильники, расположенные на уровне пояса вдоль стен залы. Пока он щелкал кресалом и обходил углы, сын разлил по чашам прохладную свежую воду из глиняного кувшина с толстыми пористыми стенками и наложил себе на блюдо фруктов.

- Подожди, мой мальчик, не пей. Лучше попробуй вот этого.

С кряхтением Хеви достал из-под стола приземистый кувшин с широким горлом, из которого высовывалась деревянная ручка черпака. Кувшин на вид был выточен из камня и стоял на столе, касаясь поверхности только одной точкой округлого основания. Однако форму имел столь ровную и симметричную, что не падал и только слегка покачивался. Старик поболтал черпаком в кувшине и разлил напиток по легким чашечкам. По комнате пошел дух финикового вина, сдобренного специями.

- Ты стал любителем вин? – несколько удивленно протянул странник.

В ответ отец приподнял изящный резной черпачок.

- Это очиститель. Пока мы беседовали, биокаталитическая начинка этой штуковины преобразовала и связала весь спирт. И теперь мы будем с незамутненным сознанием наслаждаться прекрасным букетом этого напитка.

- Что-то новенькое?

- Ничуть. Это вам – полевым агентам – можно не стесняться подсыпать порошки в еду, да глотать пилюли. Нам же, оседлым, необходимы средства и методы потоньше. Как вкус?

- Изумительно! – Странник просмаковал маленький глоточек и взглянул на отца. – И каждый раз ты все разбалтываешь этой ложкой? Даже на приемах во дворце?

- Не суди столь прямолинейно. И у меня всегда под рукой ваши реактивы. Иначе я либо не сделал бы карьеры, либо давно спился и умер, как мой друг Аменхотеп.

- Так трагично?

- Увы. Он был неплохим человеком. По местным меркам даже добродушным, любил веселую компанию, обильное застолье. Мы с ним познакомились и сдружились именно за пирами. Ему тогда не было еще и двадцати лет, ну а я был крепким, опытным и рассудительным мужчиной на пороге сорокалетия. Мог дать ответ на любой вопрос, чего он не дождался бы ни от отца[36], ни от кого бы то ни было из окружения. Так я и стал его старшим другом, политическим руководителем и подручным в развлечениях. Это сейчас я старая развалина и не имею сил выйти в свет. Великий Дом меня нынче не призывает к себе.

- Развалина, говоришь. Когда ты в последний раз делал задний мост да стоял на голове? Не сегодня ли утром? Или мне мерещилось спросонья?

- Это закрытая информация и разглашению не подлежит. – Строгий голос Хеви явно не вязался с добродушным прищуром глаз. – Из ворот дома я выхожу только с посохом и меня всегда поддерживает крепкий слуга. Мне *здесь* уже много лет, скоро будет восемьдесят, а там и возраст совершенства – сто десять - брезжит.

- А на самом деле раза в два побольше… Как же ты тут бегаешь? Или бросил?

- Меня Рамес регулярно вывозит в восточную пустыню по утрам. Есть там одна неприметная долинка. Настоящая тайная операция. В ней участвуют только наши люди. Без этого я бы давно здесь заскучал, да и не выдержал бы. Кстати, однажды это здорово выручило самого Аменхотепа. Тоже тайная операция, но местного исполнения. Уровень секретности – высочайший. Только три человека были в нее посвящены. Один уже умер, другой сейчас в далеком военном походе, а третий – я, как видишь, в глубоком и старческом бессилии. Да ты ведь присутствовал при ней, только ничегошеньки не знал! Надо было на виду у всех подменить правителя во время ритуального бега на церемонии хеб-сед. Аменхотеп уже тогда начинал полнеть. Не так, как в последние годы, но ноги отекали и пробежать по жаре несколько тысяч шагов с боевым копьем был не в силах. Роста мы с ним были примерно одного и внешне сходны. Поэтому я и предложил свой план. Места для зрителей и участников спланировали так, что на пути пробега имелась пара участков мертвой зоны. Там и производилась подмена. Пока я бодро преодолевал протяженный открытый участок, один доверенный и шустрый мальчуган на легкой колеснице быстро доставил правителя на вторую точку. Скрытый маршрут для колесницы продумал тоже я. Ведь там все было построено мною.

- Такое дело два опытных мужа доверили какому-то мальчишке?

- Паренек оказался серьезный. Он сейчас командует здешними войсками. Сейчас в столице его нет, он в Нубии. Тамошние вожди взбунтовались и Эхнатону пришлось забыть про свое миролюбие. Зовут его Хоремхеб. Он из детей Храма. В нем примерно три четвертых нашей крови.

- И много таких Детей на верхах?

- Не так много, чтобы они, точнее, само сообщество Строителей почувствовало вкус власти. Мы стараемся поддерживать в их политических программах идеи о мировом балансе, равновесии. Это базовые идеи в строительстве и хорошо ими воспринимаются. Всех не перечислю, да тебе их знать и не требуется. Узнаешь по ходу своей работы. Ну, вот Эйе[37], приходящийся дядей Эхнатону, представляет Детей в жреческой иерархии. Его роль при нынешнем правителе чем-то напоминает мою при предыдущем. Градоправитель Белых Стен Ипи[38] координирует Строителей на севере страны. Он же отвечает за связи с представительствами в Азии. Дед и бабка[39] Эхнатона тоже были из детей Храма. Хотя они не принимали активного участия в деятельности организации, но их роль в воспитании с самого детства нынешнего правителя очень велика. Как и моя, впрочем.

Огромный мотылек, каким-то чудом проникший через кисейные оконные занавеси, отважно кинулся на пламя светильника в центре стола и с шипением погиб в нем. Странник кончиками пальцев подцепил обугленное тельце, повисшее между крылышками, уже утратившими краски в масле светильника, отбросил его на блюдо с объедками и принялся за еду.

---

[36] Отец Аменхотепа III Тутмос IV умер в возрасте 26 лет.

[37] Эйе – видный царедворец при Эхнатоне. Носил титул «отец бога» и исполнял жреческие обязанности. Из-за его титула некоторые исследователи полагают наличие родственных связей с Эхнатоном. Условно говоря, он ему мог быть дядей. Занимал высокие должности как при Аменхотепе III, так и при его сыне Эхнатоне. После смерти Эхнатона стал фараоном Эйе. Правил недолго, примерно 3-4 года. После его смерти на трон Египта взошел военноначальник Хоремхеб и занимал это место 33 года.

[38] Ипи - градоначальник города Мемфиса во времена Эхнатона.

[39] Юаа и Туа – были дедом и бабкой Эхнатона по линии его матери царицы Тийи. Пользовались большим влиянием в семье Аменхотепа III и при дворе. Непосредственно участвовали в воспитании Эхнатона. Похоронены с большим почетом. В настоящее время их мумии обнаружены и идентифицированы.

Пока собеседники отдавали должное яствам, зыбкий заслон на входе издал легкий треск и неровные рога тени от громадной фигуры, возникшей в проходе на перекрестии света от угловых лампадок, легли на отца и сына.

Разговоры заполночь (отец и сын)

- А что это тут вы до сих пор делаете?

Рамес, чья уродливая двурогая тень столь неожиданно простерлась по зале, приблизился к столу, держа меж пальцев небольшой кувшин за узкое горло. Мягко опустившись на скрещенные ноги перед столом, он бережно поставил кувшин рядом на циновку. Внутри слабо булькнуло.

- Осмелюсь доложить, дядюшка: гости уложены, собаки выпущены, стража проверена. А тебя опять ожидают хлопоты.

- Когда?

- Как и положено – к следующему шему[40].

- Позволь-ка мне, старому, догадаться. Танцовщицы?

- И флейтистка тоже.

- Значит, и арфистки?

Рамес молча кивнул, выискивая что-то глазами на столе. Наконец он нашел небольшую плоскую чашу с треножником и начал прилаживать ее над огнем светильника в центре стола.

- Твои люди, сынок, утомились. Видно, путь был долгим, а ты их не щадил. Девочки понесут. А все свалят на меня как обычно.

Рамес хмыкнул с непонятной интонацией и начал наливать в чашу из принесенного кувшина.

- Брат, подай-ка мне меду. Вон, стоит слева от тебя.

Жидкость из кувшина оказалась молоком, которое Рамес начал разогревать над огнем.

- Значит, не впервые?

- Это, сынок, давняя история. Она уже обросла небылицами и стала легендой. Теперь нередко, если невинная девушка неожиданно переходит в интересное положение, поговаривают о непорочном зачатии, угодном Амону[41]. А повелось это со времен минувшего правления. Признанных мудрецов, вроде Имхотепа или твоего достойного родителя, делают источниками изречений, поучений и… анекдотов. Вот одно такое приключение, случившееся со мной и моим другом Аменхотепом Третьим, неожиданно дало подобные ростки. Мама, кстати, была очень недовольна. Никаких оправданий служебной необходимостью не признавала.

- Ты… проговорился?

- Конечно нет! Мне ведь пришлось дома изрядно подлечиваться. Поэтому все открылось, причем, из-за сплетников. Надо мной потешались и здесь, в Черной Земле, и там, в Глубинах.

- Я ничего не слыхал.

- Ты был еще мал. Про… инцидент со временем позабыли, а с мамой я помирился.

- Я полагаю, отец, что мне следует быть в курсе, нет? И, вообще, что ты умудрился там подхватить.

- Ничего особенного, просто было очень сильное переутомление. Физическое.

Хеви слегка прихлопнул ладонями по столу. Выглядел он и смущенным, и… каким-то самодовольным.

- Ладно, вижу, от рассказа не уйти, тем более, что тебе пора глубже знакомится с местной политикой. История эта, как я говорил, произошла довольно давно. Аменхотеп еще был довольно молод хотя и правил более десяти лет. Он был уже женат на матери Эхнатона. Она недавно скончалась. Незаурядная была женщина. Мы с тобой еще о ней поговорим. Сына у него пока не было. Одни дочери. Разумеется, данное обстоятельство не могло его не огорчать ни как отца, ни как правителя. Огорчалась и супруга его, царица Тэйя. Она молилась богам, встречалась с целителями. Он тоже молился, но… по-своему. Как бы это сказать? По-мужски, что ли. Всячески проверяя свою мужскую силу.

Старый политик примолк и задумчиво повернул голову вправо, как бы вглядываясь то ли в темень окна, то ли в глубины минувшего. Затем продолжил.

- Однажды вечером трудного дня, когда солнце готово было нырнуть за гребни западных гор, личный посланец Большого Дома доставил мне срочный приказ явиться в порт. Дело было в Белых Стенах. Молодой

---

[40] Египетский год делился на три периода по 4 месяца в каждом: ахет – «половодье», с середины лета, когда поднимались воды Нила; перет - «сев», зима; шем – «жатва», лето.

[41] Вся дальнейшая история, рассказанная Аменхотепом сыном Хапу, является исключительно выдумкой автора для придания живости скучному повествованию.

правитель путешествовал и изучал свою страну[42]. Не в одиночку. С нами передвигался целый штат чиновников. Проверялись строительные и ирригационные работы, проходили приемы послов. Сначала проплыли на юг до Абу[43], где принимали людей из кушитской[44] администрации. Они отчитывались о состоянии дел у себя после зачистки[45], которую предпринял Аменхотеп на пятом году царствования. Затем неторопливо проплыли до Белых Стен. Здесь нас ожидала делегация из Митанни[46]. Царь Тушратта ввиду усиления хеттского влияния в регионе согласился на политический брак и прислал свою дочь Тадухеппу. Помнится, у Аменхотепа в этой связи была небольшая размолвка с Тэйей. А тут еще и сына все нет и нет. Словом, парень слегка бесился и вольничал.

Прибыл я в порт. Вижу, территория таможенного контроля оцеплена телохранителями. Командир их развалился в раскладном походном кресле. Увидал меня, не торопясь поднялся, отвесил легкий поклон – они независимые ребята, гвардейцы Большого Дома – и сказал, что меня ожидают в корпусе для досмотра рабов. Дал сопровождающего и уселся опять подремывать в кресло. Глядя на его спокойствие, я расслабился. Однако то, что я вскоре увидел, моментально прогнало усталость. Это было нечто, похожее, то ли на конкурс красоты, то ли массовый карантинный врачебный осмотр. У нас в Глубинах, понятно. Местные до подобного еще не доросли. Столпище голых и юных женских тел! В середине просторного барака разбита небольшая походная палатка. Половина девиц стоит с одной стороны, половина – с другой. Половина из них плачет, половина – смеется. А может и все смеются, или все плачут. Тут же бегает бородатый толстяк, по виду не местный, и что-то хрипло кричит. Потом выяснилось, что это микенский купец с Крита. Нет, при мне он уже не бегал, а сидел, свесив бороду на потное волосатое брюхо. Это потом мне рассказали, как он орал. На пороге палатки на легком раскладном троне сидит сам повелитель Обоих Земель. Усталый и потный, в одном лишь полосатом переднике. Казалось, он подрёмывает, но сразу, как я вошел, поднял голову. Нет, вскинул так, гордо, как и подобает властителю великой страны и мощным баритоном своим объявил: «Наконец ты здесь, мой друг. Вместе мы сумеем защитить честь Земель. Иди за мной и не осрамись». Поднялся и вошел внутрь палатки. Я – следом. Приказ. Коротко говоря, ситуация оказалась непростой и политически неоднозначной. Скучая поутру, этот юный балбес во время ежедневного доклада дежурного писца, думал, как всегда, о своем, мужском. Но, как только его ухо уловило слова «пятьдесят девственниц», встрепенулся и решил самолично провести инспекцию портовой таможни. Дело в том, что среди прочих товаров на досмотре находилась группа рабынь числом в полсотни. Их везли на рынки Крита. Пятьдесят юных девственниц. Весьма ценный и хрупкий товар. Девочки на подбор, половина бронзовокожие ливийки, половина – черные эфиопки. Ясно, отчего Аменхотеп так оживился: размолвка с женой, отсутствие наследника, династический брак на носу и огонь гормонов в крови двадцатилетнего парня, обладающего безграничной властью на своей территории. Вероятно, в то утро он чувствовал себя Великим Быком[47], как никогда. Быстро оглядев товары в порту, он нашел искомое и, не долго думая, объявил волю богов. Согласно древним обычаям Черноземья невеста должна лишаться невинности опытнейшим и мудрейшим мужчиной поселения. Поскольку пятьдесят невинных созданий покидали страну, чтобы стать в каком-то смысле невестами на чужбине, то округом становилась вся страна и Пер-О просто обязан был исполнить свой долг, чтобы не осрамиться перед чужими землями. Примерно так он выразился. Несчастный хозяин не выдержал мгновенного обесценивания своего товара и разразился воплями, вскочив на ноги вопреки этикету. Аменхотеп же, величественным жестом остановив стражу, которая уже поволокла на порку возмутителя спокойствия, приказал устроить «все необходимое для ритуала». Сам тоже начал готовится посредством финикового вина и второго завтрака – я уже говорил, что он был гурман. Свое прозвище Великого Быка он заслужил не зря. Но и его возможности не были беспредельны. Примерно на середине своих трудов он объявил, что «Сильнейший из Угодных Амону желает выслушать слово мудрейшего из Угодных Амону». С таким словами и послали за мной. Как я говорил, дело было уже под вечер, а это значит наш трудяга работал весь день. Совет в палатке был короток, как перед битвой: на мою долю оставалась примерно половина

---

[42] Факт такой поездки не подтвержден и находится исключительно на совести автора. Однако, она вполне могла происходить, причем на 10-м году правления, когда заключался политический брак с дочерью царя Митанни.

[43] Город и остров Элефантина в районе Ассуана. Древнее название Абу имеет тот же смысл, что и эллинизированное Элефантин. Оно обозначает слона и слоновую кость.

[44] Земля Куш – часть Нубии

[45] На пятом году правления Аменхотепа III в Нубии были волнения, мятежи. Для подавления выслали экспедиционный корпус. Это была единственная крупная военная кампания за все время правления Аменхотепа. В память о ней на скалах Ассуана была высечена подробная запись.

[46] Митанни – государство в Азии между Сирией и Вавилоном. Во время царствования Аменхотепа III царь М. поддерживал с Египтом дружественные отношения. В период правления Эхнатона связи ослабли в первую очередь из-за ослабления внешнеполитической деятельности Египта и усиления агрессивной политики хеттского царства.

[47] «Великий бык, воссиявший в истине» - Ка-нехет-ха-ем-маат - одно из тронных имен Аменхотепа III

девочек - и никаких отговорок. Напомню, я был тогда крепким мужчиной в полном расцвете и неоднократно показывал силу своего рассудка и мощь тела. Я выторговал только одно условие: последнюю точку ставит сам повелитель. Размер точки, однако, не оговаривался. Послали за новым вином, яствами и… словом, когда мы оба, разгоряченные, обнявшись – а иначе мы просто не имели сил достойно явиться народу, – вышли на свежий воздух, над нами сияли яркие звезды, а восточный небосклон уже слегка заалел.

Должен отметить, что наш юный повеса оказался не столь прост. Дело на этом не завершилось, оно просто переходило в другую фазу. Политическую. Возвращаясь в палатку и окинув взглядом девиц, он проверил записи писца, который вел строгий учет происходящего, и приказал ввести последнюю «жертву богам», как он называл девочек. Последним оказался несчастный купец. Я не случайно выторговал себе право не быть крайним. Когда этот бедолага показался в проходе и пал на колени не без помощи доброго пинка под зад от одного из стражников, он не стал менять позицию на простирание ниц по этикету. Догадывался, верно, что не стоит утруждать ни себя, ни царственного жреца. Так и стоял, как баран, пока Аменхотеп не пнул его в бок и не приказал сесть напротив. Тут-то и прояснилась политическая суть представления. Торговец живым товаром освобождался от таможенного сбора. Продав девочек на критских рынках, он должен был в течение года проследить, кто из них родит ребенка и какого пола будет этот ребенок. Для этого критянин получал список, в котором было указано, кого оделял вниманием сам повелитель. Список уже был подготовлен писцом на языке, понятном купцу. «А ты, мой друг, проследишь, чтобы этот ничтожный не забыл про даденное ему поручение». Это уже адресовалось мне. Чтобы укрепить память купца, ему было обещано, что и на следующий год, когда он явится с докладом, его будут ожидать таможенные льготы. Как выяснилось в дальнейшем, этот пройдоха сумел сбыть товар с большей выгодой, чем предполагал изначально. Теперь это были «пятьдесят юных бутона, покрытых росой Амона» и шли они нарасхват. Большинство девочек в положенные сроки разрешились кто мальчиком, кто девочкой, а у кого-то были и двойни. Мальчиков оказалось больше, и слух об этом своевременно был распущен по всей стране. Официальная форма слухов была такова: одно лишь мимолетное внимание «Сильного быка, повелевающего властителями»[48], брошенное на девственниц, зарождает в них новую жизнь. Правитель доказал свою способность произвести на свет наследника, соответствующая нить политической напряженности ослабла, а твой отец, как соучастник, угодил в анекдоты. Ведь нельзя ж поминать имя Великого Дома всуе? Вот слухи и сплетни, прихотливым образом изменившись, породили забавный обычай: невинная девушка могла объяснить свою неожиданную беременность тем, что Амону было угодно осуществить очередную проверку своей божественной сущности. Слышал я также, что и в Микенах появились определенные отголоски этой истории. Только там стали фигурировать местные герои и боги. Какой-то ражий молодец, сын тамошнего бога-громовержца, будучи в гостях, за одну ночь возлюбил пятьдесят дочерей хозяина и все они родили сыновей[49].

Тонкий посвист завершающей гаммой прозвучал в ночной тиши. Напившись горячего молока с медом и откинувшись на подушках, сладко спал, свистя носом, начальник охраны.

- Эх, молодость, молодость, – Хеви аккуратно поправил подушку под головой племянника и свист затих. – Большой недостаток…

- Для тех, кто уже не молод, – весело докончил странник.

- Итак, сын, дела давно минувших дней мы обсудили, пора приниматься за задачи текущего момента. Ты ведь неспроста пожаловал, не только старику внимание оказать?

- Неспроста, всерьез и надолго. Ты ведь знаешь, я работаю чистильщиком. Причем, последние лет десять в районе Северного моря[50]. Наша служба уделяет внимание этому региону довольно давно. Не менее полутора столетий. Примерно такое время назад наши оперативники отметили явления необычного мутагенеза на западных путях миграции племен ариев, которые три-четыре века назад начали активно расселяться из обжитых регионов по берегам Великих Озер[51]. Когда-то им хватало мест на плодородных берегах Западного Озера[52]. Однако, случившийся около трех тысяч лет назад прорыв невысокой скальной гряды открыл водам Средиземного моря путь на север. Потепление климата вызвало таяние ледников, уровень океанов поднялся и неизбежное случилось. Мы все видели старые съемки этого грандиозного водопада. Несколько десятилетий там было излюбленное место ловцов острых ощущений. Грохот,

---

[48]Ка-нехет-хека-хекау – одно из тронных имен Аменхотепа III.

[49]Так называемый, тринадцатый подвиг Геракла. Неофициальный.

[50]Автор решил, что подобное название для Черного моря вполне могло быть уместным в ту эпоху для района Средиземноморья. Греческие названия Понт Аксинский и Эвксинский еще не могли ни сложиться, ни стать повсеместными. Тем более, что Морем Гостеприимным Черное стало гораздо позднее, в период греческой колонизации в VIII-VII веках до н.э.

[51] Черное и Каспийское моря.

[52] Бывшее Черное море.

разносящийся на многие дни пути, вечный туман, непредсказуемая погода, грозы с молниями, летящими по всем направлениям. В результате Западное озеро стало больше и глубже. Его площадь выросла почти вдвое и уровень поднялся более чем на две сотни локтей. Плодородная прибрежная низина с мягким климатом исчезла под бурными водами и обитавшим там людям пришлось уйти на север. Там нашлись угодья для земледельцев. В предгорьях Срединного хребта[53] появились города металлургов. Кризис наступил несколько веков назад. Увеличившееся население региона, взаимные конфликты и столкновения с кочевыми народами создали предпосылки для массовых миграций. Наши социоинженеры взяли ситуацию под контроль. Надо сказать, они начали активно работать в этих местах гораздо раньше. Дело в том, что к северо-западу от озер есть одно урочище - холмистая равнина[54]. Во время нашего Великого Разделения там случился преизрядный конфликт и местность получила свою порцию радиоактивной грязи. Точно сказать не могу: было это применение оружие или разрушение ядерной энергетической установки, но жить людям там на несколько тысяч лет было противопоказано. Ты говоришь, что здесь называют те времена войнами Сета? А тамошние арии говорили о проделках бога Индры-громовержца. Поэтому людей от этих холмов оттесняли. Наши шаманы и вожди объявляли места порченными, запретными и разгоняли племена кого на запад, кого на восток. Больше на восток – там равнин побольше. Возможно, это тоже создало дополнительно демографическое давление, принудившее ариев к переселениям.

Однако причиной мутагенеза стала отнюдь не радиоактивность. От облучений народ в основном просто вымирает, вырождаясь. Здесь же …. Словом, следопыты-странники и оседлые исследователи все чаще стали отмечать появление необычных сказок. Конечно, в памяти людей хранились в сильно трансформированном виде воспоминания о временах до Катастрофы. Вдобавок, народ всегда склонен пофантазировать, выдумать нечто необычное, чтобы как-то приукрасить повседневность. Но тут фантазии явно перехлестывали допустимые границы. Должны были быть конкретные материальные основания. И эти основания нашлись. В потаенных местах гор, в болотах, скрытых долинах заросших ручьев обитали странные существа. Явные порождения межвидового скрещивания. Фантастической гибридизации. Причем, формы этих гибридов были настолько необычными, скажу точнее: невозможными, что напрашивалась догадка о проводимых кем-то безумных генетических экспериментах.

Наши ученые были под контролем. Тщательная проверка показала, что никаких утечек исследовательских материалов в этом регионе не могло быть. Разгадка стала проблескивать, когда в лаборатории попали первые образцы и по результатам исследований в архивы отправились запросы. В старые, очень старые архивы с допотопных и послепотопных времен.

Все эти козлоногие гоминиды, квазиразумные лошади и ослы, многоголовые рептилии и прочая нечисть имели на генетическом уровне признаки давних исследований, которыми увлекались материковые после потопа. Тогда в головах бродили разные и, порой, довольно безумные идеи, по преимуществу, о преобразовании мира. Причем, как можно быстрее и почуднее. Нашим океанским ученым тоже в безумии не откажешь, но здоровая порция консерватизма все-таки прививается средой обитания – Глубины не прощают поспешных решений. А здесь под обновленными небесами воздух пьянил головы.

Действительно, исследовались возможности межвидовых скрещиваний, причем в очень широком диапазоне в растительном и животном мире. И даже был запущена технология самопроизвольного мутагенеза, при котором в наследственный материал внедрялся особый вирусный агент, обеспечивающий совместимость гамет, неспособных в природе никак соединиться. Упрощенно говоря, при этом раскладе было бы возможным скрестить хоть мышку с мартышкой… и посмотреть, что получится. Собственно, цель проекта так примерно и звучала: стохастическая гибридизация произвольных видов для исследования возможностей эволюционного процесса. На исследования быстренько наложили запрет, ибо малейшая утечка лабораторного материала в окружающую действительность могла привести к непредсказуемым раскачкам генофонда планеты.

Кстати, есть предположение, что те самые радиоактивные холмы – это место полевого лагеря новоявленных творцов-созидателей. Могла начаться неконтролируемая утечка материала и для полной зачистки над районом произвели несколько атмосферных ядерных взрывов.

Так вот, похоже на то, что кое-какие наработки в законсервированном виде сохранились и каким-то образом просочились в нашу реальность.

---

[53] Уральские горы. Название выдумано автором. Но не представляется ему невозможным

[54] Автору приходилось слышать про такую местность где-то в западной или юго-западной части Украины. Местные жители стараются эти холмы не посещать без особой нужды. Однако найти более подробные сведения кроме рассказа, услышанного по случаю примерно в 1985 году, не удалось.

Наступило время уже не исследований, а расследований. Десятки и даже сотни полевых агентов рассеивались по долинам и весям континента. Они собирали всяческий фольклорный материал, потому что новая, хотя и, слава богам, редкая живность, успела прочно поселиться в преданиях и мифах.

Долго ли, коротко ли до истоков добрались… в некотором приближении. Дело было примерно так: некая девица, которую в сказках называли разными именами и приписывали ей разные социальные роли, нашла нечто, засунула туда свой любопытный носик, и оттуда вылезло тоже нечто – нечто непотребное. Причем, ей приписали уже всё – все беды и напасти человечества. Так уж водится. Даже обычную простуду. В наиболее полном виде легенда звучит так. Была у богов прислужница, ну, или любовница - кому как больше нравится, - смазливая девчонка, рыжая, кажется, по имени Пандора. Умом не отличалась, поскольку была красивой, а любопытства имела больше, чем красоты. И вот, однажды, оставшись без присмотра в господских хоромах, открыла коробку, про которую ей было строжайше наказано: даже не подходи к комнате, где стоит эта коробка. Лучше бы ей про нее вовсе не говорили! Как только боги отъехали на очередной пикник, а ее с собой не взяли, Пандора, мучимая обидой и любопытством, открыла-таки ту коробку. А в коробке было разные чудеса, опасные и неприличные. Они вырвались на волю и стали напастями для людей.

С той поры проект назвали «Шкатулка Пандоры». Языковедам удалось вычленить базовые уровни легенд об этих напастях и тем самым сузить район поисков. В конечном итоге удалось даже найти остатки строений, которые были когда-то биологическими лабораториями. Что-то вроде научного городка на побережье. Точнее говоря, теперь это уже дно моря, новоявленного Северного моря. Наши хроники, которым не одно тысячелетие, говорят, правда, довольно скупо, что конфликт Великого Разделения случился задолго до Потопа. Те времена представляются довольно смутно. Едва-едва оправились от Катастрофы. Человечество малочисленно. Кто, где и чем занимается? – особенно не контролируется. Поэтому сейчас на основе обнаруженных фактов для нас раскрывается просто веер гипотез. Достоверно одно: на бывшем побережье бывшего гигантского озера хранились в законсервированном виде результаты этих злосчастных исследований. Может быть, их собирались перебросить в более надежное убежище или, вообще, уничтожить. Кто знает? Время покрыло тайну плотным пологом. А затем брошенный город погребли волны моря.

Загадочным является факт, как до этих материалов добрались окрестные племена. Все-таки приличные глубины – пара сотен локтей, не для ныряльщиков. Во время подводных работ обнаружили, что некоторые контейнеры оставались на самоходных платформах с автономным управлением. Довольно надежные конструкции, способные в сложных ситуациях без участия человека принимать решения о передвижении в более безопасное место. Собственный животный и растительный мир моря после Потопа практически полностью погиб. Погиб и сгнил. Новый на глубинах зародиться не сумел. Быстрое, катастрофически быстрое поступление сильносоленых вод в гигантское пресное озеро привело к слоистости структуры воды с различной плотностью солей. Сверху вода еще как-то получает кислород из атмосферы и жизнь в ней есть. А вот ниже лежат плотные, насыщенные солью слои и там только гниют падающие сверху органические останки. Поэтому глубины, в основном там, где находился прежний бассейн озера, заполнены растворенным в воде сероводородом. Жизни там нет, но физическая активность имеется. Меняются концентрации растворенных газов, иногда близко подступая к поверхности. Грозы порой поджигают эти пузыри и море горит. Вдобавок регион сейсмически активен, что придает своеобразие этим явлениям. Так вот, наверное, некоторые из этих самоходных платформ неожиданно «ожили» и начали транспортировать свой смертоносный груз в более «безопасное» по их разумению место. Выползли на берега и там благополучно издохли от истощения – должен же был у них закончиться запас энергии в аккумуляторах? Кое-какие останки устройств мы обнаруживали на берегах. Когда ясно стало, что искать, стали проявляться «находки» у различных жрецов и шаманов. Видно, те любопытные, что сумели выжить при исследованиях обнаруженных ими «сокровищ» отобрали наиболее «полезное» для себя. А что нужно шаману? Чудеса. Груз на платформах был самый разнообразный, не только мутагенного свойства, поэтому и наши находки дали работу специалистам различного толка.

Кстати, о мутагенезе. Энтропия все ж поработала на нас за эти тысячелетия и глобальной раскачки генофонда планеты не случилось. Вирус межвидовой толерантности утратил во многом свою силу и проявления его активности затронуло только некоторые виды животных и растений. Да, растений. Мы находили весьма чудные гибриды. Эдакие хищники на корнях! Не какие-то там тропические мухоловки – деревья с хватательными ветвями, способные слопать даже человека. Если пьян и мягкотел. То же самое касалось и прочих реактивов из числа обнаруженных и опознанных по проявлениям.

Вот такими делами я и был озабочен последние лет десять-пятнадцать. Последняя работа, оставившая приятные воспоминания, была на острове Крит. Там, в одном из заброшенных городов поселилось некое чудо-юдо. Прежних хозяев острова смыло гигантскими волнами века полтора назад, порожденными взрывом

вулкана на острове Круглый[55]. Ослабевший Крит начал осваиваться златообильными Микенами. Заселяли опустевшие города, восстанавливали обвалившиеся дворцы, размытые пирсы и дороги. Как-то до нас дошел слух про странный обычай жертвоприношений где-то в глубине острова. Собирали юношей и девушек на корм какому-то страшному зверю, живущему в грандиозном древнем строении. Провели дознание и слухи подтвердились. Организовали группу ликвидации. Я с тройкой поддержки внедрился в очередную партию, посылаемую в жертву. Пока добирались до места, наслушались страстей. В итоге собранные сведения сложились в такую картину. Какой-то гоминид размером с горную гориллу и массивной головой с рогами, ну, как у быка критской породы, еще со времен прежних хозяев острова жил в особом закрытом павильоне. Точнее говоря, жили сменяющие друг-друга потомки когда-то пойманного чудища. Ел все подряд, как человек или свинья, и был весьма агрессивен, особенно, в плане половой активности. Раз в несколько лет у него случался период …. э, гона, так можно сказать. Бесился несказанно. Поскольку его содержали как местное божество, то и ублажали соответственно потребностям. Скармливали и животных, и человечину. Он не брезговал мертвечиной, поэтому нередко, чтобы не тратить живого раба, отдавали тело умершего. А когда его припирало, собирали с окрестностей и даже близлежащих островов дань в виде молодых парней и девчат ему на потеху. Он особенно не разбирался, какого пола была жертва, употреблял ее по-всякому. Но раз в несколько десятилетий случалось и потомство, если какая несчастная девица сподабливалась выжить после его… хм, ласк. Вот этого монстра мы и порешили во тьме тамошнего Лабиринта. Разумеется, взяли образцы тканей и, разумеется, оказалось, что это тоже порождение пресловутого «стохастического мутагенеза». Приключение получилось довольно интересным и ярким. Наверное, через какое-то время получится красивая легенда или даже миф.

- Да, Тесс, это уж непременно, если ты постарался. А теперь, полагаю, ты расскажешь цель визита в мой регион. Сразу должен тебе сказать, что, несмотря на многочисленность местного сонма божеств, никаких особо примечательных чудовищ здесь давно не наблюдалось. Обычные крокодилы, бегемоты, обезьяны да шакалы разных мастей и размеров. Живет, говорят, дальше к югу, уже в саванах, какая-то тварь, пожирающая слонов. Что-то вроде громадной гиены. Ее зовут гишу[56]. Но это существо больше похоже на реликтовые формы, сохранившиеся в укромных уголках природы с незапамятных времен.

- Да, папа, я знаю. Предмет интереса моей миссии несколько иной. Дело уже не в мутагенезе. Ликвидация мутантов проходит по плану, большая часть территорий зачищена. Сейчас в разработке есть еще несколько странных легенд. Наверное, через столетие регион Срединного моря будет освобожден от этой напасти.

Жрецы, вороны и капуста (сын и отец)

- Как я говорил, проблему подняли обнаруженные мутанты, но в результате раскопок прояснилось гораздо больше. Кто первый обнаружил контейнеры с активным содержимым и была ли к этому причастна некая Пандора, неизвестно. Важно другое: особыми свойствами находок заинтересовались в первую очередь разные жрецы и шаманы. Как происходили процедуры ихних исследований доподлинно неизвестно, нам приходилось иметь дело с последствиями действий второй или даже третьей волны доморощенных экспериментаторов. Первые, скорее всего, погибли и послужили первичным экспериментальным материалом. Среди обнаруженного были галлюциногены, отравляющие вещества, лекарства. Словом, полный комплект из закромов крупного научного исследовательского центра. Все перемешано, во многом деактивировано временем, а частью приобрело новые свойства от взаимодействия между собой и окружающей средой. Все необходимо изъять и уничтожить, чтобы не оставлять потомкам многочисленные мины, которые неизвестно когда и как взорвутся. Вот по этой линии я к тебе и приехал. Наши агенты донесли, что в здешних местах уже давно используются некие смеси с психотропными свойствами. Эти вещества кроме воздействия на психику обладают еще и тератогенными свойствами. Кто и где это использует, точно неизвестно, поэтому работа предстоит долгая и поселюсь я здесь не на один год, чему ты, наверное, будешь рад.

- Без сомнений, сынок. Однако меня заинтересовали твои агенты. Я координирую нашу деятельность здесь уже более полувека и все проводимые работы должны быть мне известны. Хотя бы для того, чтобы

---

[55] Ныне остров называется Санторин. В эпоху минойского Крита он имел преположительное название *Стронгила*, что означает «Круглый». Потом его звали *Тира, Фера или Фира*. Остров представляет собой древний вулкан, который временами просыпается. Когда он основательно проснулся в последний раз около 1627 до н.э., мощность извержение была около 7 балов (по вулканической шкале) и порожденная им волна достигала предположительно 100-200 метров высоты. Она обрушилась на северное побережье Крита и это стало закатом минойской цивилизации критских мореплавателей. На Санторине тоже были колонии Крита. Понятно, они не пережили катаклизм.

[56] Упоминание *гишу* заимствовано у И.А.Ефремова (роман «Великая дуга»).

иметь возможность оказывать помощь нашим людям, попавшим в беду. Я ни о чем, что ты мне рассказал, не слышал. Вы решили играть свои игры за спиной немощного старика?

- Ой, пап, погоди обижаться. Никто тебя еще не списывал в утиль. Мои агенты особого свойства и за них не стоит волноваться. Съедят одного, мы пришлем десяток новых. Питомники работают исправно.

- Ага…

- Сейчас расскажу, только попью чего-нибудь, пересохло от говорильни. Что посоветуешь?

- Вот этого. Ты, наверное, еще не пробовал. Именно таким напитком мы с пресловутым Аменхотепом – Могучим быком – поддерживали в себе силы во время наших подвигов. Только здесь спирта уже нет, а вот тогда его мне пришлось хлебнуть изрядно. Потому и лечиться домой ездил: и печень поправлять, и… прочее. Заодно и подбодрит – уже полночи прошло, а нам еще многое обсудить надо.

- Мммм… приятно. Что там?

- Основа – смешанное вино из фиников и красного винограда. Финики скрашивают виноградную терпкость и дают сладость. А среди прочих специй добавлены бобы кавы. Это одичавшие родичи – или потомки? - такого же растения, что выращивают у нас на гидропонных фермах. Оно встречается ближе к экватору и здесь получают его через цепочку посредников из Куша. Товар редкий и потому дорогой. В основном это вино используют как боевой стимулятор для элитных воинских частей[57].

- Итак - агенты. Они у нас особые. Как и задачи. Вот, к примеру, как экспериментальный историк ты используешь свои методики. О многих из них я могу только догадываться. Конечно, в первую очередь вы работаете с людьми. Тем не менее, у вас наверняка есть свои наборы препаратов, приборов и датчиков, упрощенно говоря. Ведь не только местным вином, пусть даже и хорошим, приходится воздействовать на умы доверившихся вам правителей?

- Пожалуй…

- Правда, агенты ваши имеют традиционную природу – они люди.

- Не скажи, не скажи. Иной раз для сбора данных приходится использовать совершенно необычные способы доставки фискального оборудования. Однажды я использовал для получения очень важной информации стаю комаров: они облепили альковный полог и тысячи маломощных микродатчиков, напыленные на их брюшки, поведали мне, что творилось там.

- Здорово! Вот и наши таковы – сложнейшие биоинженерные конструкты. Полностью автономные мобильные лаборатории, ничем не отличающиеся от живых прототипов. Мы часто используем птиц. В основном ворон, воронов и галок. Они хитроумны, любопытны и пронырливы. Готовы все опробовать на клюв. Про то, что в Черноземье есть следы интересующих нас веществ, донесли вороны. Видно, наклевались где-то падали.

- Похоже, одна из твоих пичуг давеча утащила у меня прямо со стола флакон с таблетками от головной боли. Это не вызовет визит очередной вашей команды? Для пресечения утечек технологии.

- Не думаю. Мы своих программируем только на определенные вещества. Причем, когда внутренний анализатор срабатывает, птица старается несколько раз подтвердить полученный сигнал. Этот ворон больше не пытался шакалить у тебя?

- Вроде, нет.

- Если появится, значит, другое ведомство проявляет любопытство.

- Как причудливо, сынок, получается: и я, и ты используем разных тварей для своих нужд; их по запросам создают наши биоинженеры; только я нуждаюсь в транспортной функции, а ты – в диагностико-коммуникационной. Кстати, как они тебе информацию передают? Неужели, передатчики встраиваете?

- О, нет. В этом случае пришлось бы возродить доисторических летающих ящеров – чтобы антенну на крыльях растягивать. Курьер приносит информацию только лично. Питомники выращивают их целыми стаями.

- Неужели вы забиваете бедных пичужек в награду за верную службу? Чтобы покопаться в их потрохах.

- Ты, папа, не о птичках горюй – с ними-то все в порядке, их никто понапрасну не губит. Ты нашим лаборантам лучше посочувствуй. Копаться им приходится не в потрохах, а в том, что из этих утроб выходит, выделяется, так сказать…

- Так-так?

- Наши помощники – мы используем не только птиц, есть еще и землеройющие, водоплавающие и всякие-прочие – снабжаются особым наследственным механизмом. Этот механизм приводит к тому, что у них появляются дополнительные органы, а имеющиеся приобретают особые свойства. В совокупности этот

[57] Данный напиток целиком и полностью придуман автором, чтобы разнообразить застолье. Вполне мог производится в те времена.

внутренний комплекс, не нарушая физиологии животного, исполняет наши задания по сбору и анализу информации. Чаще всего модифицируется пищеварительная система. Животное потребляет пищу, при появлении в съеденном интересующих нас соединений, включается программа и животное хочет опять попробовать съеденное. При этом нервная система фиксирует информацию о месте, времени и прочих обстоятельствах обнаружения. Маленький дополнительный орган в брюшной полости накапливает, обрабатывает информацию и затем на биохимическом уровне вырабатывает команду вернуться домой. Птица возвращается в родной питомник. Там ее поселяют на карантин и все добытые сведения в результате специальной диеты благополучно выводятся наружу традиционным путем. Помет собирают и тщательно изучают. Вот так…

- Если ваши подручные снабжены наследственным механизмом, то они и размножаться способны? Вы ведь не запрещаете это? В таком случае они оставят достаточное количество потомков в природе. Число их будет расти в геометрической прогрессии и когда-нибудь вы можете просто захлебнуться… в своей специфической информации. Нет?

- На самом деле эти качества инициируются только при выращивании особей в условиях питомников: особая диета, обработка физическими полями специальных конфигураций и многое другое. В природе возможна только крайне маловероятная спонтанная инициация. При этом возможности анализатора будут существенно слабее. Маловероятно, но возможно. Прецеденты уже бывали… Жизнь, штука сложная и цепкая…

- Так что же вам ворона под хвостом принесла?

- Обнаружены следы веществ с психотропными и тератогенными качествами. Сведения получены не менее чем от дюжины особей. Вороны клевали мясо и что-то неорганическое, какие-то тряпки. Более точно сказать нельзя. Если бы расстояния были не так велики, то можно было бы забить всю группу и порыться в их мозгах. Так можно иногда получать картинки. Но, повторяю, слишком далеко, поэтому в нашем распоряжении была только биохимия. При этом довольно точно удалось определить, что клевали именно человечину. Есть основания полагать, что препараты использованы в захоронениях. Если учесть специфичность местных погребальных традиций, напрашивается гипотеза, что к делу причастна соответствующая группа из местного жречества. Вот их я и буду ловить со своими людьми. Придется плотно внедряться в местный социум. Втираться в доверие как на верхах, так и понизу и затянется это если не годы, то на много-много месяцев. Надеюсь, ты мне в этом поможешь.

- Ясно, сынок, задача понятна… Что ж, не впервые… и не в последний раз, надеюсь. А то ведь редко приходится не то, чтобы общаться – просто видеться. Я буду очень рад. Пожалуй, ты опять будешь моим сыном, опять – внебрачным. Я сам этим займусь.

- Начнешь в гости водить?

- Зачем водить? Сами придут…

- Местные обычаи столь просты, что для знакомства с иноземцами все сбегаются?

- Видишь ли, Тесс, согласно легенде я уже давно отошел от активной политической жизни и меня не беспокоят поручениями. Разрешают старику отдыхать. А вот в гости нахаживают регулярно. Сам сиятельный Эхнатон, конечно, здесь не бывает. Да ему и по протоколу не положено. Я к нему с кряхтением сам добираюсь раз в несколько недель, чтобы дать возможность справится о моем здоровье и пожелать долгих лет. Ведь он мой ученик, и я привязан к нему в некотором роде… А сюда регулярно наведывается вся верхушка общества, потому что у меня самый лучший стол и каждый находит на нем то, что ему больше всего по вкуса… и по здоровью. Я ведь болячки каждого знаю и каждый визит ко мне – как к врачу. У меня даже обжора Бек[58] может дать волю своему непомерному аппетиту безо всяких последствий. Он повадился ко мне захаживать, если где-нибудь переест – после меня у него мигом все выправляется. Я знаю, что ему подсыпать, только он порог переступит. А вот здоровяк Хоремхеб другое любит – он на тренажерах Рамеса накачивается, а то бороться принимаются или в бассейне соревнуются по-всякому. Проведут с приятностью время у старика, друг друга повидают, мне новости расскажут и от меня… хм, инструкции получат. Вот так и протекает местная политика в определенном ракурсе. Тебе здесь будет самое место.

- Ты об Эхнатоне тепло отзываешься. …

- Да, судьба мальчика мне очень близка и я беспокоюсь о нем. Будущее его видится мне не очень благополучным. Я имею ввиду его личное будущее. Сам же проект «Эхнатон» развивается весьма успешно.

- Мне о нем следует знать подробности?

- Пожалуй. Пути следствия неисповедимы.

---

[58] Бек – глава скульпторов Эхнатона. Сохранились изображения его с супругой. У него огромный живот и отвисшая грудь. Жена такая же.

Хеви задумчиво помолчал, наблюдая за метаниями очередного мотылька, пытающегося постичь истину в огне светильника. Затем, подтянув колени к груди и опершись ладонями об пол, распрямил ноги и с наслаждением потянулся в этой позе на долгом выдохе. Прошелся по комнате и расположился в удобном и невысоком креслице в углу. Молчание еще некоторое время висело паутинкой на остриях звуков ночи. Наконец он заговорил.

- Я уже говорил, что мне представилась редкая возможность находиться непосредственно у средоточия местной высшей власти в течение десятилетий. Я сумел стать не только близким другом правителя страны. Повезло с историческим периодом. Черноземье переживает золотое время своей долгой истории. Такое для великой страны выпадает не чаще, чем раз в тысячу или более лет. Как ты, наверное, знаешь, развитие крупных человеческих сообществ проходит волнообразно. Малые периоды складываются в большие, те – в еще большие. Самые крупные называют уже как по-особенному: эпохами, эрами. Но даже малые периоды большинством людей слабоуловимы, потому что сравнимы со временем их весьма скоротечного существованпия. Мы, Странники, живем на этой планете достаточно долго, прошли через многие испытания и через призму накопленного опыта можем предвидеть судьбу того или иного народа на несколько поколений вперед. Для грубых прогнозов можно использовать такую шкалу: три поколения и трижды три поколения. За время смены трех поколений в более-менее массивном и развитом социуме происходит полный цикл экономического и культурного подъема и спада перед новым подъемом. Этот цикл на пальцах объясняется довольно просто: внуки уже не понимают своих дедов и взаимные информационные конфликты поколений колеблют полотно истории. За три цикла «внуки-деды» социум обычно претерпевает настолько сильные изменения, что его уже можно называть другой страной и другим народом.

Я здесь работаю в течение двух поколений во время экономического, политического и культурного подъема страны. Вдобавок со времени изгнания гиксосов – агрессоров из азиатских пределов – прошло не более полутора веков. Словом, нахожусь на гребне волн в самой крупной материковой империи. Не использовать ситуацию для стимуляции общечеловеческого прогресса просто глупо. Прививка гениальности, полученная в период деятельности Имхотепа, уже давно утратила свои потенции. Регресса не нет и пока не предвидится, но и прогрессом существенным не пахнет. Плотный застой наблюдается в первую голову в части общественного самосознания. На самоосознание социума сильнейшим образом воздействует религия. Местный сонм богов разнообразен и разнороден. Это в совокупности просто расщепляет сознание, путает мысли, не дает им собираться, фокусироваться на обобщениях в отношении природы и общества. Но зло - если тут вообще применима категория зла! - не в самой религии, а в ее формах. Они могут как поднимать, возносить воображение, так и подавлять, нивелировать, сглаживать.

Словом, посовещались мы в узком кругу региональных кураторов и я решил, что настало время сокращать поголовье местных богов. Провели моделирование с различными уровнями конкретизации и временной дискретности. И принялись за работу. Деталями тебя утомлять не буду. Захочешь их узнать, почитаешь мои мемуары… которые я пока еще не начал диктовать.

Подобного масштаба работы с религиями еще не было. Фактически, мы задумали обозначить путь к пониманию единства управления всеми проявлениями мироздания. Уникальность ситуации состояла еще и в том, что Черноземье – сильно изолированная страна. Она обширна, но имеет мало границ. Только на севере и юге. Так сказать, узкие врата для входа и выхода. И отсутствие сильных политических противников. Пациент, готовый к операции, лежит на хирургическом столе длиной в сто парсангов[59].

Должен сказать, что очень скорый результат не предвиделся. Однако накопленный за это время опыт показал, что предполагаемые временные рамки реализации проекта были весьма и весьма оптимистическими. Нет, мы не ошиблись со стратегическими задачами или конкретными вариантами тактических решений. Просто проверили один, наиболее «простой» вариант штурма и подготовили базу для долгой осады.

Что мы тут «натворили»? В пантеоне божеств выбрали одно, в наибольшей части отвечающее идее единства жизненных проявлений. Разумеется, это наше дневное светило Солнце. Ему поклоняются везде и по-разному. Здесь оно персонифицируется по крайней мере с парой, если не тройкой божеств. Другое условие – наличие подходящей базы служителей, проводников культа – тоже удалось обеспечить. Служители Атона из Иуну[60] давно хотели покончить со своей изолированностью. Среди них было немало влиятельных людей из Детей Храма. И правящая семья у меня под полным контролем. Аменхотеп прекрасно воспринимал идеи концентрации богов в меньшее количество сущностей, поскольку развивавшиеся еще при

[59] 1 парасанг составляет примерно 60 км.

[60] Иуну – греческое название Гелиополь. Древний центр культа бога Солнца Атона. Город располагался на северо-запад от совр. Каира. Упоминается в Библии как **Он.**

его отце идеи личного благочестия[61] не всегда способствовали концентрации его персональной власти. Сам-то он не относился к типу преобразователей или агрессоров. Обычный любитель хорошо пожить без лишних скандалов. За все правление провел только одну военную кампанию. Во внешней политике успешно укреплял мирными путями наследие воинственных деда[62] и прадеда[63]. Занимался обширным храмовым строительством.

Я не торопился, ждал наследника. Дождался, наконец…

- Ага, слышали уже…

- Теперь слушай дальше. Тут все образовывалось как нельзя удачно. Я не только курировал большую часть государственных дел – так и называли: начальником всех дел, - а также управлял имуществом и поместьями старшей дочери. Когда родился мальчик быстренько и ненавязчиво подвизался в наставники. Маленький Хетти[64] рос довольно болезненным. Однако сообразительностью и живым воображением его природа не обделила. Хвала умной матери – царица Тэйя отличалась как знатностью рода, так и красотой и умом и полностью владела воображением своего добряка-мужа. Тщедушность и слабость мальчика не позволяли ему принимать участие в обычных для детей знати играх – охоте, хулиганстве, да и просто разбое, - зато частые прогулки со мной в садах, а также общение с матерью и ее родителями прекрасно формировали ум. Великолепное чувство ритма – он очень любил музыку и сам складывал тексты гимнов. Когда подошло время заниматься государственными делами, он уже сформировался как личность. Несколько лет он правил вместе с отцом, перенимая дела. Теперь он полностью самостоятельный правитель. Несколько лет назад провозгласил новую, точнее, обновленную государственную религию – культ Атона. Построил этот город. Многие его поддерживают, но многие и просто молча выжидают. Мне уже становится ясно, что будущего у нынешнего культа Атона нет. Слишком слаба опора в таком глобальном мероприятии, как передел мировоззрения целого народа. Только на одного человека, пусть даже и облеченного абсолютной властью. Абсолютность власти ведь не более чем абстракция, отвлеченная категория, удобная лишь при некоторых упрощенных умозаключениях. Сам Эхнатон это едва ли еще понимает. Он пока строит храм разума и мира в отдельно взятом городе. Ему многие подпевают и не все искренне. Обычное явление. Тем временем нарастает напряженность на границах, хетты наглеют, жречество Амона тайком плетет заговоры. Я же стараюсь извлечь максимум из развития данной ситуации для закладки нового проекта, который уже будет уделом других и в другие времена. Наверное, у Эхнатона есть еще лет пятнадцать, затем будет кризис. Я, конечно, буду всячески поддерживать мальчика. Потом, вероятно, передам дела сменщику и уйду на другую работу. Меня уже давно приглашают в Департамент Воспитания и Обучения на должность воспитателя младших групп, но я пока ссылаюсь на то, что не могу оставить ответственный пост.

- Поня-я-ятно… ну, а потом?...

- Что потом? В детский сад, я же сказал…

- Нет, как дальше будет проходить воспитание нового человека? Ты сказал – «новый проект».

- Ах, это! Идея, вкратце, такова: мы сделали ставку на мировоззрение одного человека, властно опирающегося на многих, предполагая, что он сможет «заразить» своими идеями других и передать эстафету последующим поколениям. Не выходит, слишком сильны груз традиций и уклада жизни. Необходимо «заражать» сразу многих, причем делать это в условиях карантина, изоляции. Нужен сразу целый народ. Переделав одно поколение, освободив его от влияния старших, мы сможем получить в относительно короткие по меркам истории сроки основу новой мировой религии. Затем наш избранный народ примется заражать новой верой других. Хм… надо сказать, достаточно жестокая методика даже по нашим меркам. Однако расчеты показывают, что без понятия единого бога повернуть человечество на пути технологического развития будет весьма затруднительно. Оно будет довольно долго топтаться в тенетах традиций и стоять на перепутье между косностью, дикостью и единением с природой. В конечном итоге оно либо истощит легкодоступные ресурсы планеты, либо дождется очередного астероида.

Раздавшийся внезапно грохот и треск разрядов прервали затянувшуюся беседу. Сладко спавший Рамес во сне непроизвольно отползал от шума и света в угол и, когда очутился возле стены, попытался завернуться в гардину. Гардина рухнула, потянув за собой кисейный занавес на окне. И тут же тихонько заискрило защитное поля по всему периметру залы.

---

[61] Личное благочестие египтян в период 18 династии проявлялось в стремлении общаться с богами, минуя «официальные» храмовые каналы. Просто, по бытовому за домашними алтарями.

[62] Аменхотеп II

[63] Тутмос III

[64] Полагаю, таким может быть уменьшительный вариант имени Аменхотеп – «Любимец Амона»

Легендарные будни

- Кто победил?

Клубок переплетенных тел на засыпанной смесью песка и опилок площадке начал устало распадаться. Странник Тесс высвободился из захватов и откатился в сторонку. То, что осталось, предстало перед Аменхотепом сыном Хапу в образе рослого крепыша с типичной внешностью сыновей Черной Земли – круглая обритая голова и смуглое безволосое тело. Он походил на быка. Гладкие толстые мышцы струилась от головы, казалось, утопающей в массивном торсе, обтекали широкую грудь, узкую талию и собирались туго стянутыми пучками на широких запястьях и крепких лодыжках.

- Никто… покамест. Твой сын, дядя Хеви, принес из-за морей интересные правила борьбы. Воины сражаются, не калеча друг друга, но при этом становятся сильней и ловчей.

- Отдай мне его на время, Хоремхеб, и отдохни.

- Ага, счас! Он мне еще одну схватку должен.

- Я девушек пришлю взамен, они разотрут тебя.

- После обеда, воин еще не готов к отдыху. – Хоремхеб направился на площадку для силовых упражнений. Там активно занимались несколько человек: кто на гладких перекладинах и столбах, кто поднимал тяжелые бревна, снабженные дополнительными отягощениями из камня и металла и надежно закрепленные в хитроумных пазах, где они могли вращаться и перемещаться без опасности травмировать атлета. Замедлив шаги, он бросил через плечо. – Тесс, не забудь, ты мне должен, я тебя просто на куски порву.

- Мы тоже поупражняемся, сынок, мозги разомнем, память освежим. Ты ведь уже два сезона здесь. Расскажи, есть серьезные успехи?

- Да, папа, не без того. Мои люди обсели обе Земли. Спасибо твоим детям Храма – хорошо помогают. У нас теперь под контролем и грабители могил, и храмовая прислуга. Понемногу начали подбираться к архивам прежних времен. Сложнее с теми, кто бальзамирует. Это закрытое сообщество. Скорее семейного плана, нежели какого-либо цехового или храмового. Большим почетом они не пользуются, как и забойщики скота или золотари, но их услуги нужны всем. То, что мы знаем, не говорит, что могилы сейчас активно защищают чем-то, что мы ищем. Однако слухи имеются – по преимуществу среди грабителей, - что в старых могилах иногда встречается *нечто*. Они называют это Духом Проклятия Сета. Людей находят мертвыми, иногда с награбленным. Они убивают друг друга и самих себя. Причем, на дележ добычи не похоже – раны какие-то уж, больно… излишние, что ли. Кто-нибудь себе голову о скалы разобьет, иные грудь разрывают, как будто пытаясь сердце вырвать, ну, и прочее такое. Это уже ближе, наводит на мысль и психотропной химии. Это одна линия следствия.

Другая проявилась относительно недавно и неожиданно начала выводить в область твоей компетенции. Собственно, поэтому я сегодня тебя и навестил.

- Продолжай.

- Второе вероятное направление использования препаратов – храмовые практики с активным манипулированием сознанием масс. Поскольку от твоей секции в последние годы подобных сигналов не поступало, то мы решили обратиться к архивам прошедших правлений и даже династий. Ну, насколько это возможно. Рыться в храмовых архивах – это не беседовать в притонах и корчмах с подонками общества. Необходимы тщательная разведка и точный выбор цели, чтобы не потратить уйму времени впустую. Опустим промежуточные выкладки, как любил говаривать мой наставник по теории строения материи, и сразу перейдем к выводам. Предварительным выводам, которые сейчас всесторонне проверяются. Они таковы: очень похоже, что обиженное Эхнатоном амонское жречество пытается организовать активное противодействие реформам. До сих пор они просто втихую таили обиды и пережидали утрату власти. Однако среди них нашлись знатоки прошлого и вспомнили про храмовые практики минувших столетий. Кажется, в период завоевания Земель пришельцами из Азии. Их тут гиксосами кличут. В пропыленных папирусах мы читали, как в закрытых помещениях собирали людей и какие-то воскурения приводили их в экстаз, людям можно было внушить, что угодно, заставлять делать совершенное невозможные и даже непотребные вещи. Самое главное, эти «воскурения» еще сохранены в самых укромных хранилищах. Жреца сами очень боятся их. Якобы, для приготовления и исполнения обрядов использовались несколько команд смертников, которые сменяли друг друга и правду знали только руководители главного уровня, все остальные погибали. Очень интересно название обряда. Они называют его Дыханием Сета. Не видишь сходства?

- Да, напрашивается вывод…

- Поэтому я и решил не откладывать и рассказать все тебе, хотя это еще не подтвержденные данные. Однако мы уже подобрались, можно сказать, к самым закромам. В старом храме, среди скал на западном

берегу Реки около Белых Стен, работает наши команда. Пристроить их туда было непросто, но Мартыш постарался. Он это умеет…

***

Мартыш покосился подбитым глазом на радужно бликующее пятнышко на южном небосводе и опять затянул гвардейский марш времен походов Тутмоса III и Аменхотепа II:

По выжженной пустыне
За схеном, схен
Идут врагам на гибель
Солдаты Белых Стен…[65]

Колона из дюжины маджаев и пары дюжин нагруженных осликов держала путь на запад с самого рассвета. Едва солнце прорвало прерывистой линией светлеющий горизонт, Мартыш начал петь. Он пел, не переставая, одну и ту же песню, старательно изображая борьбу с грандиозным похмельем. Лицо его в многодневной щетине, грязи и прилипших кое-где подозрительных ошметках являло все те пороки, которым он неутомимо предавался последние несколько дней, чтобы выдержать конкурс на самого опасного буяна Нижней Столицы. Только выдержавшие этот конкурс могли быть удостоены высокой чести быть высланными далеко за пределы города в пустынные владения Сета для исправления духа службой в удаленном храме. Мартыш с честью лидировал в испытании и прошел по самому краю лезвия между осуждением на каменоломни и служебным взысканием. Только благодаря исключительным воинским способностям, которые он уже почти полгода демонстрировал на службе в Инебу-Хедж, ему сохранили жизнь, ибо в каменоломнях обычно больше полугода не выдерживали даже самые крепкие люди.

Солнце уже вовсю палило спины, прикрытые полотняными стегаными панцирями, и заставляло клониться ниже головы в полосатых платках, чтобы сберечь глаза от яростного блеска его лучей. Солдаты шли вольным шагом, свалив большую часть вооружения и амуниции на осликов, которые несли груз провизии для жрецов храма и новой смены гарнизона. Полностью вооруженными были только командир в арьергарде и его помощники в авангарде и по флангам – в силу личной ответственности.

Репертуар Мартыша не отличался разнообразием. Временами он слегка менял ориентацию и выбирал других героев, но размер и ритм марша не менялись:

По выжженной пустыне
За схеном, схен
Идут за караваном
Ребята Белых Стен…

Когда отдалились достаточно далеко от города и хриплый рев Мартыша уже не мог оскорбить слух добропорядочных горожан, слышалась порой иная история:

По выжженной пустыне
За схеном, схен
Идут на встречу с Сетом
Подонки Белых Стен…

А временами прорезалось совершенная непристойность:

По выжженной пустыне
За схеном, схен
Идёт шмонать могилы
Братва из Белых Стен…

Урезонивать его никто не пытался. Лишь командир поначалу морщился, а потом смирился. В последнюю ночь перед «походом» Мартыш умудрился устроить коллективный «пир на весь мир» непосредственно в тюремной яме, где формировался штат новой храмовой стражи. Как ему это удалось, никто не понял, но факт постарались скрыть, причем, успешно – никому не были нужны новые неприятности

[65] Марш стилизован под стихи ©В.В. Высоцкого «Солдаты группы Центр»

и задержки. Теперь большая часть «бойцов» команды брела со снулыми рожами и лишь Мартыш веселился. К радости командира, он довольствовался своим обществом и никого не задирал.

Неизменный спутник Мартыша рослый и могучий Проглот брел рядом в паре. По его виду трудно было судить о степени участия в ночном веселье. Сколько бы он ни съел или выпил, всегда был готов либо продолжать веселье, либо завалится спать, либо мгновенно ринуться в стремительную атаку.

Надо отметить, что совесть этих двух опытных работников Материкового Дозора не мучила ни в коей мере. Трезвые как стеклышко, бодрые и готовые ко всему, они веселились каждый по-своему и радовались общей хандре. Никому ведь не придет в похмельную или озабоченную голову внимательно осматривать окрестности и, помилуйте всемогущие и немилосердные боги, всматриваться в разные там пятнышки в небе, когда в глазах сплошь рябит от мушек и язык не помещается между шершавых челюстей. Мартыш же с Проглотом давно заметили звено сопровождения, состоящее из двух воздушных экипажей – полевая поддержка с обычным эшелонированием.

Овальные машины прикрывались маскировочным полем, на котором свет иногда расщеплялся и тогда в небе появлялся как бы маленький клочок радуги. Они уходили за горизонт или поднимались высоко в зенит. Иной раз приближались на расстояние сотни шагов, если требовали обстоятельства.

Операция выведывания мест хранения снадобий, которыми создавался «дым Сета», успешно выполнялась. Оба внедренных в храмовую охрану агента направлялись к месту службы, снабженные всем необходимым: толстые подошвы сандалиев и не менее толстые боевые пояса – те вещи, что покидают тело воина в самый последний момент, – хранили необходимые наборы средств для связи, биохимического анализа и экстренной врачебной помощи. Резервные наборы располагались также в массивных рукоятях личного оружия и, вообще, везде, где только можно. Всех потаенных мест подобного рода у опытного следопыта-странника нередко бывало до полудюжины и до какого-нибудь из них он мог добраться очень быстро, даже пьяный или раненный.

К полудню прошли большую часть пути. Командир трижды разрешал своим людям пить воду, слегка подкисленную вином. Конечно, это не соответствовало никаким правилам боевых или учебных походов, но ему не нужен был падеж поголовья подопечных. И так уже боги наказали старого вояку этим назначением. Целый сезон вдали от семьи, на гарнизонной сухомятке в компании полоумных обормотов и угрюмых жрецов! И при этом ни одной девки поблизости или, на крайний случай, овцы. Потом слухи эти еще, которые ему тихонько за пивом третьего дня нашептал старый приятель Псамитех. Он говорил, что во время предыдущей смены происходили вообще странные вещи. Будто бы ни одного раба при храме не осталось в живых. Все перемерли от какого-то безумия. Теперь там черные работы выполняют младшие служки, пока не пригонят новую партию чернозадых. Только это будет не с твоим балаганом, тебе бы хоть их доставить в целости. А может быть вас самих просто заставят работать, как рабов? Ну, знаешь сам, когда пустыня да скалы кругом и не ведаешь, что от жрецов ожидать: то ли в еду дрянь какую подсыплют, то ли вообще наколдуют такого… в общем, лучше помалкивать и делать, что велят.

Когда в третий раз попались человеческие останки, Птаххотеп крикнул остановку. Кости на пустынных тропах вещь не удивительная. Необычным было то, что были они довольно свежими. Первые два раза им попадались останки трех или четырех человек. Гиены, обитающие стаями в скалах, да стервятники успели изрядно потрудится, поэтому определить, кто погиб, не представлялось возможным. Почти вся плоть была обгрызена, а из костей и черепов высосан мозг. Только в глубине погрызенных черепов оставались спекшиеся комки. Крупные кости белели свежими изломами. Ребра россыпью валялись на камнях и лишь некоторые из них оставались торчать из зубчатых обломков хребтин, как высохшие ветви кустарника. Ни одежд, ни каких-либо вещей.

В этот раз тела оказались почти не тронуты. Три человека. Один умер сидя, прислонившись спиной к обломку скалы. Он как будто с удивлением смотрел окровавленным, истерзанными глазницами на свои простертые на бедрах руки. В полуоткрытых ладонях белели его собственные глаза. Надо полагать, собственноручно извлеченные.

Двое других сплелись в пароксизме, пытаясь отгрызть друг другу… м-дя-я-я… какая же необычная фантазия посетила их обоих перед смертью?

Шакалы добычу еще не нашли, только пара здоровенных черных воронов чувствовала себя полными хозяевами положения.

Люди не выглядели изможденными и походили на… жрецов? Во всяком случае, сравнительно чистые и добротные полотняные передники больше подошли бы молодым послушникам храма, чем рабам.

- Меня сейчас вырвет, – заявил Мартыш бодрым голосом, разглядывая композицию из двух тел.

- Только побыстрей и подальше, – резко бросил ему командир. – Поможешь раскладывать эту падаль.

- Тебе какой с них интерес? Они даже на жаркое не пригодны – поди с утра на солнце тухнут.

- Мы почти пришли на место, храм за теми скалами, – Птаххотеп указал на выход из ущелья в нескольких сотнях шагов впереди. – Это люди оттуда… также, как и те, другие… Надо понять, что здесь произошло.

Он направился к трупам. Вороны, прервавшие трапезу при появлении людей и ослов, повели себя странно. Они не стали отпрыгивать в сторону и бочком отодвигаться, как обычно водится у этих птиц. Сначала замерли на месте, затем один принялся торопливо долбить свой труп, а другой, как-то странно вытянув вперед голову с массивным клювом и расправив ощетинившиеся перьями крылья, принялся хрипло каркать. Уступать позицию они явно не собирались. Командир отвел назад руку с копьем, намереваясь нанизать на острие обнаглевшего падальщика. Неожиданно его руку перехватила здоровенная клешня Проглота.

- Сет, – прошептал он и Птаххотепа неожиданно прошибло знобящее чувство. Ворон, символ злобы, пожиратель падали, разрушитель тела – хранилища Ка, служил Сету, во владениях которого они сейчас находились. Да и миссия у них… было от чего дрогнуть бывалому воину.

Проглот, оставив командира обдумывать, как выстраивать политику с богами, неторопливо направился к птицам. Он пригнулся, расставив руки в стороны, и стал издавать шипящие звуки, как бы покаркивая. По нетипичному поведению он заподозрил, что им встретились вороны из спецпитомника, которые брали вторую или третью пробу привлекшего их вещества. Надо было дать им возможность благополучно ретироваться, чему помешал конфликт природных инстинктов и внедренных программ генетической модификации. Вороны поддались на уговоры и, снявшись с наклеванных трупов, скрылись за скалами.

- Остановитесь! – Повелительные слова раздались неожиданно для всех. Ну, или почти для всех – Мартыш уже наблюдал за приближающимя к ним людям, вооружившись копьем и щитом, которые быстро извлек из поклажи. Десяток человек, явно служащие храма – молодые, крепкие, бритоголовые, в аккуратных полотняных передниках, впереди которых шествовал сухощавый человек средних лет - быстрым шагом приближалась к ним. Вероятно, они вышли из-за тех скал, на которые указывал командир. В руках молодых были какие-то палки и свертки. На оружие не походило, но для нападения вполне могло сгодится.

- Вы – новая стража. Так? – Повелительно обратился старший жрец к Птаххотепу. Его молодые спутники встали строем с флангов, взяв крепкие, в рост, шесты наизготовку и побросав свертки позади себя.

- Мы – маджаи из Белых Стен, пришли сменять местный гарнизон.

- Проходите к ограде, там вы встретите начальника стражи. Он вас проводит.

- А…?

- Проходите и не задерживайтесь, с этим мы разберемся сами. Это дело храма.

Быстро построив своих людей и дав команду двигаться, Птаххотеп оглянулся. Парни уже разложили шесты, раскрутили свертки материи и стали сооружать носилки.

***

Босые подошвы легко и неслышно скользят по гладкому каменному полу. Темень, которую можно было бы называть кромешной, открывается через преобразователь теплового излучения зеленоватыми силуэтами. Мартыш надвинул ленту преобразователя, которая обычно была у него на лбу в виде головной повязки, когда пробрался внутрь главного здания храмового комплекса. Теперь, передвигаясь по коридору подземного яруса, он отсчитывал парно расходящиеся проходы в отдельные помещения. Проходов было пять, всего десять квадратных комнат, десять на десять шагов каждая. Подземелье углублено на три человеческих роста. Вырытое в плотном песчанике, оно было перекрыто сверху каменными плитами, которые опираются на колоны. Сверху находится святилище, жилые и хозяйственные помещения храма, внизу – помещения для хранения ценностей и для мистерий. Главной ценностью на протяжении нескольких поколений здесь были таинственные вещества, с помощью которых можно было вводить толпы людей в управляемый транс и заставлять их делать все, что угодно… богам. Откуда они взялись, не знали самые старые жрецы. Давно были утеряны письмена, в которых могли быть открыты тайные пути, которыми они попали на земли Кемет. Однако сохранились записи, как ими пользоваться, и жречество Амона решило воскресить старый и крайне опасный способ управления толпой. Все это тщательно разведали и вызнали Мартыш с Проглотом за пять минувших декад. Теперь наступило время завершающего акта операции.

С первых дней службы на новом месте Мартыш моментально исправился. Он стал таким образцовым солдатом, что десятник Птаххотеп перестал считать время службы в храме безвозвратно потерянным. Ну и что, что нет девок, а стадо коз жрецы ревностно оберегают от разнузданной солдатни. Не в одних девках счастье для опытного воина, да и вином тешится быстро надоедает… если, в особенности, вспомнить, как вел этот полупьяный сброд через пустынные горы. Да одного конного разъезда хеттов из трех всадников хватило бы, чтобы распластать всю эту шваль по камням и забрать караван с грузом себе. Слава богам, что

хетты совершенно в другой стороне, а здесь можно встретить, пожалуй, только могильных воров, да и те не будут нарываться на неприятности. Впрочем, если бы с ними не было Мартыша с Проглотом… Этих старый Птаххотеп видал в деле. Работают так, что проверять не надо. Без лишней крови и без пыли. Их ведь и в пьяном бреду голыми руками не возьмешь! И как их угораздило в такое дело вляпаться? Ну, подумать только – решили пощупать женщин градоначальника. Пощупали, ладно. Так ведь решили потом пощупать его дочерей! Ну, пощупали – тоже ладно. Но зачем щупать самого градоначальника, да еще потом уговаривать выпить с ними на посошок? Словом, только рука неведомых богов уберегла их от прогулки в один конец… на серебряные рудники. Слышал краем уха Птаххотеп, что хлопотал за них сам Главный Страж города. Исключительно из-за воинских умений обоих… разгвоздяев. А теперь вот здесь исправляются, ему, Птаххотепу, службу облегчают – все делают. Молодцы! Да еще и дают стариной тряхнуть, молодость вспомнить. Когда еще он так боролся да на палках дрался в последний раз? Одно дело, в строю врагам кишки выпускать, да казнить преступников. Тут навык, конечно, нужен, но, вот чтобы для души! Потешил родимую вволю! Устроили ристалище. Сначала втроем, потом еще парочка завзятых пристала. Ему, старому, специально не поддаются, но и особого спуска не дают. Так и надо между настоящими воинами!

Став, фактически, начальниками караула, Мартыш с Проглотом все измерили, взвесили и сочли. Узнали, где хранится припас химикалиев. Даже сумели устроить наблюдение за «опытами» жрецов. Видели несколько раз беснующихся во внушенном безумии людей. Хорошо, удалось уберечь от этой участи соратников. Хоть и пьянь, да все ж, свои, солдаты. В прежнем карауле нескольких маджаев жрецы сумели пустить в расход, когда рабы закончились. Командир оказался трусом и тряпкой.

Теперь – последний штрих мастера. Разложить по десяти комнатам десять термических зарядов. Затем вынести в безопасное место трех караульных, которым был устроен обездвиживающий «развод караула». Бросить рядом, на виду пару-тройку заранее приготовленных ошметков, которые сойдут за них, Проглота и Мартыша. И – перст судьбы нажимает кнопку. Воля богов свершается, оставляя на месте храма хорошо пропеченный и сплавленный каменный монолит.

Весна – начало лета 2010

Конан сын юриста

Приложения

1. Древнеегипетские меры

Парасанг – 6.98 км
Шем – 9 парасангов или 62.82 км
Схен (хеннуб) – античная мера длины; само название «схен» имеет греческое происхождение, но у Геродота упоминается египетский «схен» - «хеннуб». Египетский схен – 445.2м; Древнегреческий схен – 60 стадий, 11098 м.

2. Плита, содержащая извлечения из грамоты зашиты, дарованной заупокойной молельне Аменхотепа, сына Хапу в Фивах[66]

Год 31, 4 месяца ахет, день 6 при величестве царя Верхнего и Нижнего Египта, владыки Обеих Земель Небмаатра, ж.з.б., сына Ра от плоти его, владыки диадем, Аменхотепе67, ж.з.б.68

В этот день были они (т. е. фараон) в заупокойной молельне наследственного князя, царского писца Аменхотепа.

(Чтение сановникам иммунитетной грамоты)

Были введены Аменхотеп, начальник Города и везир, и Мериптах, начальник сокровищницы и царский писец войск. Было сказано им перед его величеством, ж.з.б.: „Слушайте указ, сделанный для защиты заупокойной молельни наследственного князя царского писца Аменхотепа, прозываемого Хеви, сына Хапу..., благополучие ему, чтобы укрепить его заупокойную молельню рабами и рабынями во веки веков, от сына к сыну, от наследника к наследнику, чтобы не разрушить ее вовеки.

Она защищена для Амона-Ра, царя богов, до дня ее нахождения на земле, ибо он царь вечности, ибо он защитник умерших.

(Угроза нарушителям иммунитета)

(Военным сановникам)

Если начальник войск или писец войск, который будет после меня, найдет заупокойную молельню пришедшей в упадок вместе с рабами и рабынями, которые обрабатывают поля как мой вклад, и он захватит человека из них, чтобы передать его в какое-либо владение фараона, ж.з.б., или к какому-нибудь поручению для него самого, равно (если) другой (человек) тронет их и он (т. е. начальник войск или писец войск) не вступится из-за них — он будет казнен Амоном, владыкой Карнака, он (т. е. Амон) не даст напитаться им должностью царского писца войск, которую они получили от меня, он ввергнет их в пламя царя (в) день его гнева! Его урей изрыгнет пламя на их макушку, изничтожит их члены, пожрет их тела. Они будут подобны змее Апопу в день Нового года; они потонут *в* море и оно сокроет их тела. Они не получат звания право-гласных, они не вкусят пищи обитателей высот (т. е. умерших), не возольют им воды из потока, не утвердят их потомков на их места, изнасилуют их жен на их глазах. Не войдут знатные в их дома, покуда они существуют на земле, не введут их проводники дворца, не услышат они голос царя в час радости, они (будут) под ножом в день уничтожения. Им скажут: «грешник!» Их тела будут изничтожены, они будут голодать без жертв, тела их умрут.

(Чиновникам и жрецам)

Если везир, начальник сокровищницы, великий начальник дома, великий дома, начальник закромов, верховный жрец, божий отец, *жрец-уаб* Амона, которым огласят сказанное мной о том, что сделано для заупокойной молельни наследственного князя, царского писца Аменхотепа, сына Хапу, и они не позаботятся об его заупокойной молельне, они подлежат сказанному выше.

---

[66] Текст приводится по изданию И.М.Лурье «Очерки древнеегипетского права XVI – X веков до н.э.», Издательство Государственного Эрмитажа, Ленинград, 1960, стр.153
[67] Аменхотеп III
[68] Сокращение "ж.з.б." означает часто встречающуюся после имен царей благопожелательную формулу: "да живет он, здравствует и благоденствует".

(Обещание милости тем, кто будет выполнять этот указ)

Если же они позаботятся о заупокойной молельне с рабами и рабынями, которые обрабатывают землю как мой вклад — сотворится им всякое хорошее деяние. Вознаградит вас Амон-Ра, царь богов, прекрасным долголетием. Одарит вас царь вашего времени, подобно тому, как он одаряет. Возвысится для вас должность над должностью, полученной вами (как) сыном сына, наследником наследника. Они будут посылаться как посланники, и царь их времени вознаградит их. Они будут похоронены в некрополе после 110 лет (жизни). Умножатся также им жертвы.

(Угрозы полицейским чинам, которые нарушат этот указ)

Начальники же *маджаев*, чиновники округов, князь некрополя Хефетхернебес, которые не охранят (?) мой вклад каждый день и во все праздники и в начале каждого месяца, подлежат они сказанному, и пусть будут раздавлены их тела.

(Обещание милости полицейским чинам, выполняющим этот указ)

Если же они услышат все сказанное (о) содеянном в указе и будут верны, и не преступят его — будет им хорошо, как правогласным, покоющимся в некрополе по достижению старости.

(Изъятие из указа)

Исключение, касающееся князя некрополя, который использует моих слуг на один день.